

Антон Кротков

ШТРАФБАТ **МИССИЯ** **НЕВЫПОЛНИМА**

Жестокие будни штрафного батальона
Черного континента

Антон Павлович Кротков
Штрафбат. Миссия невыполнима
Серия «Библиотека Победы»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5020481
Кротков, А. П. Штрафбат: миссия невыполнима: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-076759-5, 978-5-271-38597-1*

Аннотация

Прославленный ас времен Великой Отечественной войны, командир единственной в своем роде особой штрафной авиагруппы Борис Нефедов – знаменитый Анархист – оказывается в эпицентре жестокой гражданской войны, пылающей в самом сердце Черного континента. По стечению обстоятельств Нефедов вынужден завербоваться пилотом в наемнический Авиационный легион. Очень быстро главный герой понимает, что попал в настоящий африканский штрафбат. Для многих волею случая попавших сюда пилотов это место стало сущим адом, вырваться из которого почти невозможно.

Нефедову предстоит служить в мрачном, внушающем ужас большинству европейцев месте, где в первобытных джунглях все еще практикуется колдовство, каннибализм и ритуальные убийства. Это самая дикая и темная Африка. И только огромный боевой опыт и особый склад характера позволяют Анархисту находить выход из, казалось бы, тупиковых ситуаций...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Антон Кротков

Штрафбат. Миссия невыполнима

*Не верь тому, кто говорит, что смерть – финальная точка.
Скорее это многоточие... Путь война не имеет ни начала, ни конца...
Из речи командира эскадрильи специальных атак капитана первого
ранга Накадзимы Татсуя перед молодыми пилотами-камикадзе.
Филиппины, 26 октября 1944 года.*

Глава 1

Пожалуй, это была самая опасная работа в мире. Передовые авианаводчики на лёгких самолётах кружили над джунглями, выслеживая партизанские базы и тропы снабжения, помогая правительственным войскам «обрезать» транспортные коммуникации противника. После того как воздушный разведчик обнаруживал врага (а зачастую противник обнаруживал себя сам, открывая огонь по назойливо кружащему над ним крылатому шпиону), пилот вызывал ударную авиацию и обозначал место бомбардировки пиротехническими средствами (обычно дымовыми ракетами).

Повстанцы быстро разобрались, кто насыляет на их головы «бомберов» и головорезов-охотников на партизан из специальных команд зачистки, и начали охотиться на неказистые аэропланчики. По некоторым данным, за сбитого «воздушного соглядата» в некоторых повстанческих группировках полагалась даже более крупная премия, чем за двухмоторный бомбардировщик В-25.

«Вот уж не думал, что на старости лет вновь окажусь в штрафниках», – размышлял Борис Нефёдов, разглядывая самолёт, на котором предстояло работать.

Это была лёгкая Cessna L-19 Bird Dog с тонкими бортами из стеклопластика и поршневым двигателем, мощности которого явно было недостаточно для работы в африканскую жару. Опытнейшему асу, которому приходилось поднимать в небо суперсовременные реактивные самолеты, забираться на пятнадцатикилометровую высоту, носиться на умопомрачительных скоростях, предстояло сесть за штурвал тихоходной «табуретки с пропеллером». Впрочем, сейчас Бориса больше смущало другое. В случае вынужденной посадки поднять снова машину в воздух с короткой, неподготовленной площадки представлялось задачей весьма непростой. Относительно слабый мотор требовал слишком длинного разбега.

К тому же «стрекоза» была совершенно безоружной, если не считать личного пистолета её пилота.

Обстановка в кабине была самая спартанская: пилотское кресло без набивки и регулируемой спинки, никакой бронезащиты, из удобств только опускающийся солнцезащитный щиток над приборной доской.

В определённом смысле это было место отсроченной казни. Кто-то будто в насмешку приклеил к приборной доске мультяшную фигурку Микки-Мауса. Невольно представилось, что когда осколки прошьют тонкий борт и ты будешь умирать, накрепко пристёгнутый ремнями к своему эшафоту, перед глазами станет злорадно дёргаться диснеевский фигляр...

Правда, на самолёте имелось неплохое радиооборудование, с помощью которого воздушный наблюдатель мог поддерживать связь с наземными войсками и экипажами штурмовиков. Из-за этого эту машину ещё иногда называли «летающей радиостанцией».

К плюсам данной Cessna также можно было отнести высокорасположенное крыло, а также остекление кабины большой площади, которое обеспечивало хороший обзор пилоту и наблюдателю на правом кресле, который теоретически должен был входить в экипаж. Однако на практике для увеличения времени патрулирования вместо второго сиденья в кабине был установлен дополнительный топливный бак на сто шестьдесят литров. Об оборотной стороне такого рационализаторства никто почему-то не подумал. А ведь иметь под боком внушительных размеров ёмкость с керосином, которая может рвануть от любой шальной пули или осколка, это всё равно, что летать на складе ГСМ. И всё же надо было признать: в целом самолёт вполне отвечал тем задачам, для которых он был предназначен. А что до чрезмерного риска, то как-то само собой подразумевалось, что если ты приехал в эту страну работать, то жизнь тебе не слишком дорога.

* * *

Первые прибывшие в страну пилоты-наёмники чувствовали себя в относительной безопасности, так как у антиправительственных группировок не было серьёзных зенитных средств. Но в последнее время ситуация стала меняться. Наладив контрабандные каналы переброски наркотиков и алмазов через границу, полевые командиры начали активно закупать за рубежом на вырученную валюту самое современное вооружение.

Впрочем, первоклассное армейское снаряжение из заграницы можно было получать и бесплатно. Достаточно было объявить себя последователем учения Маркса-Ленина и через некоторое время над условленным районом (обычно ночью) появлялся Ан-12 без опознавательных знаков, который сбрасывал на парашютах сотни контейнеров. Маркировка «Сделано в СССР» на автомате или полевой аптечке первой помощи быстро стала привычной в этих местах. Всего за несколько лет туземцы с копий и мачете перешли на автоматы Калашникова и переносные зенитно-ракетные комплексы.

Но даже взяв в руки самое современное оружие, местные воины не спешили отказываться от проверенного веками арсенала чёрной магии. Среди лётчиков-наёмников ходили слухи, что местные колдуны проводят специальные ритуалы заклинания ящиков с боеприпасами, как раньше заговаривали колчаны со стрелами, и этим, мол, и объясняется поразительная меткость безграмотных солдат. Практически каждую неделю на базу не возвращался с задания самолёт из какой-нибудь эскадрильи.

Особенно гибли те, кто занимался поиском целей и корректировкой огня над полем боя. Низкая живучесть делали лёгкие пластиковые самолётики вполне реальным трофеем даже для обычного автоматчика. Передовым авианаводчикам фактически отводилась роль крылатой приманки, которая должна длительное время кружить над полем боя, мозоля глаза вражеским солдатам и отвлекая их внимание на себя, чтобы ударные машины могли отрабатывать без помех.

Чтобы выполнить боевую задачу, пилотам часто приходилось опускаться ниже допустимой с точки зрения безопасности высоты. Джунгли надёжно скрывали дороги, людей и лагеря повстанцев, что наряду с умелой маскировкой, на которую местные партизаны были большие мастера, зачастую сводило на нет все усилия экипажей бомбардировщиков. Задача «воздушных ищеек» как раз и заключалась в том, чтобы, фактически припадая к самой земле, «вынюхать» добычу и сообщить о ней приближающимся эскадрильям штурмовиков. Но чтобы разглядеть под густой кроной тропического леса цели, ты должен был буквально цеплять плоскостями верхушки деревьев, чуть ли не на каждом шагу нарушая одно из главных правил фронтового пилота: «Никогда не летать ниже ста метров», ибо за этой критической отметкой даже реактивные машины становятся уязвимы от огня из малокалиберного пехотного оружия, не говоря о современных зенитных ракетах.

Неудивительно, что лётчики-наёмники, мягко говоря, не горели желанием записываться в эскадрилью смертников. Одно дело быстро отстреляться-отбомбиться с высоты три-пять тысяч метров и поскорее уносить ноги. И совсем другое – целый час, а то и дольше барражировать на лёгком самолёте над насыщенным средствами ПВО районом, зная наверняка, что тебя ждёт лютая смерть, если вдруг не дай бог единственный моторчик твоей «летающей оранжереи» заглохнет.

Так как добровольцами укомплектовать эскадрилью передовых авианаводчиков не удавалось, в неё стали ссылать проштрафившихся лётчиков. Командование Африканского воздушного легиона – так пышно именовались наёмнические ВВС президента самопровозглашённой Демократической всеафриканской Республики Моргана Арройи, – обзавелось собственным воздушным штрафбатом. Впрочем, иногда сюда направляли и новичков, чтобы проверить уровень их квалификации.

* * *

В качестве испытательного срока Нефёдову был назначен месяц службы в эскадрилье передовых авианаводчиков. Правда, редко кому везло уцелеть после первых трёх вылетов.

Если бы у Бориса Нефёдова имелся выбор, он бы, конечно, ни за что не согласился играть в подобную «русскую рулетку». Не случайно эскадрилья, в которой он теперь служил, называлась «Чёрные авианаводчики». Это была работа для смертников. Но только таким образом можно было продолжать поиски пропавшего без вести сына. Статус же пилота-наёмника позволял находиться в закрытой для внешнего мира, раздираемой гражданской войной стране столько, сколько потребуется на то, чтобы выяснить: где теперь находится Игорь, и попытаться вызволить его из плена. В своих поисках Борис очень рассчитывал на обещанную помощь старого знакомого и нынешнего командира Макса Хана.

А пока надо было буквально на ходу учиться науке выживания в местных условиях, взяв на вооружение кредо всех авантюристов, которое гласит, что: «Побеждает лишь тот, кто умеет рисковать тотально». С некоторыми своими новыми сослуживцами Борис вскоре сошёлся, что называется, на короткой ноге. Вечером за кружкой пива после полётов они учили нового товарища некоторым премудростям местной войны.

Борис, как губка, впитывал чужой опыт, анализировал его и уже на следующий день пытался применять заинтересовавшие его приёмы.

Обычно в ходе вылета Нефёдов занимался тем, что большинство его коллег из цивилизованного мира посчитали бы сумасшествием. Ведь любой нормальный лётчик старается не летать на малой высоте и с небольшой скоростью. Но для крейзи-пилотов из «африканского штрафбата» это являлось нормой. На малых высотах лётчику грозила не только опасность быть изрешечённым осколками взорвавшейся рядом ракеты, но и мощная турбулентность, столкновение с естественным препятствием вроде высоких деревьев или с птицами, стаи которых постоянно шныряли над кроной леса.

Очень быстро Борис сделал для себя и некоторые приятные открытия. Выяснилось, что слабости его самолёта одновременно являются его важными преимуществами. Тихоходные самолёты авианаводчиков летали так низко, что их, оказывается, было не так-то просто сбить над джунглями, поскольку стоящий на земле стрелок не мог увидеть тебя до тех пор, пока ты не оказывался прямо у него над головой. Вероятность этого была не слишком велика. Обычно услышав издали гул приближающегося самолёта, но не видя его за высокими деревьями, партизан с трубой переносной противовоздушной ракеты на плече или расчёт спаренного зенитного пулемёта пытались примерно определить, откуда должна появиться цель, и разворачивались в нужную сторону. Но если ты шёл трудно предсказуемым противозенитным зигзагом, постоянно меняя направление, то подловить тебя было ой как не просто.

Одно было плохо: иногда всё же приходилось делать подскоки, чтобы оглядеться и выбрать новое направление для «чёса». Вот тут-то и наступала самая опасная фаза любого вылета, ибо зенитчики только этого и ждали. По меткому выражению одного из лётчиков, в этот момент самолёт становился «магнитом для ракет».

Уже в ходе второго рейда Нефёдова чуть не сбили. Утром он вылетел на разведку в относительно спокойный район приграничной реки. Но затем в эфире прозвучал условный сигнал «Сломанная стрела» – попавшему в засаду пехотному батальону срочно требовалась поддержка с воздуха. Нефёдову поступил приказ отклониться от первоначальной цели и следовать на выручку окруженцам.

Хотя это война была совершенно чужда Борису, в нём проснулось чувство естественной солидарности с теми, кто попал в тяжелейшее положение. Измотанные и окружённые противником солдаты, направленные правительством для уничтожения опиумных плантаций и подпольных лабораторий по производству наркотиков, были окружены боевиками одного из крупных местных наркобаронов. Борис уже знал, что в плен тут не берут, за исключением тех редких случаев, когда за высокопоставленное лицо можно было получить хороший выкуп. Не менее половины рядового состава обычных пехотных (негвардейских или специальных) частей правительственной армии составляли несовершеннолетние подростки. По-отцовски Борису было жаль напуганных мальчишек, лежащих в наспех вырытых окопах под огнём беспощадного врага. Авиация была их последней надеждой на спасение.

Прибыв в район боя, передовой авианаводчик начал с небольшой скоростью прочёсывать местность, стараясь вызвать огонь на себя и тем самым давая возможность экипажам штурмовиков нанести прицельные удары по скоплению вражеских солдат и зенитным позициям. В это время Нефёдов представлял собой отличную мишень. Вскоре в правом крыле его «Cessna» появились осколочные пробоины – над самолётом разорвался малокалиберный зенитный снаряд...

Вернувшись на аэродром, Борис насчитал на фюзеляже своей машины аж 14 пулевых и осколочных пробоин.

– Ну и работёнка! – размышлял вслух старый лётчик, рассматривая сквозную дыру в борту чуть позади кабины, в которую легко входил кулак. – Пряма цирковой номер: «Ловлю пули зубами!»

– Зато заработаете, – подпустил сарказма небритый механик, язвительно взглянув на очередного смертника, приехавшего сюда за большими деньгами.

– Хотелось бы, – без особого энтузиазма согласился Борис. – Только как бы в итоге не оказаться на месте того бедняги фокусника, застреленного по ошибке собственным ассистентом, которому клоун ради хохмы заменил бутафорские заряды в револьвере боевыми...

Но оказалось, что новичок ещё хорошо отделался. На соседнюю стоянку зарулил самолёт, на котором буквально живого места не было. Этот хиленький аэропланчик просто язык не поворачивался назвать боевой машиной, даже несмотря на то, что аппарат был покрашен зелёной автомобильной краской под армейский камуфляж.

Рядом с этой букашкой даже нефёдовская «Cessna» выглядела суперсовременной «Чёрной молнией» SR-71.

В Америке подобные ультралёгкие самолёты часто строят в собственных гаражах из специальных наборов для взрослых модельщиков-конструкторов. Их можно запросто припарковать на стоянке для малолитражек у какого-нибудь супермаркета и заправить на обычной бензоколонке. Видимо, грузоподъёмность этой «летающей блохи» ограничивалась её тощим пилотом и минимальным пилотажно-навигационным оборудованием в кабине.

Самолёт назывался «Бич», что можно было перевести с английского как «пляж» или «пляжный». Он принадлежал к так называемому туристическому классу и был создан для выездов на пикник в стране, где многокилометровые автомобильные пробки по уикендам легко могли превратить в кошмар увеселительную прогулку. Но если вы имеете лицензию пилота-любителя и пять-семь тысяч долларов в банке, то вполне можете выбрать по фирменному каталогу воздушную малолитражку в любой комплектации вплоть до набора всего необходимого для барбекю...

Однако прилетевший на этом ажурном творении матёрого вида бородач совсем не напоминал вернувшегося с пикника туриста, хотя и был одет в шорты и пляжные сандалии на босу ногу. Они уже были знакомы. Бородача все здесь звали Паном Поручиком. Похоже, он был поляк, хотя по-английски говорил почти без акцента.

Невозможно было понять, как пилот умудрился уцелеть внутри фюзеляжа, напоминающего снаружи решето. Даже в прикрученных к дверям кабины стальных листах накладной брони зияли крупные отверстия с рваными краями.

Другой бы на радостях, едва выбравшись из самолёта, принялся целовать землю или хотя бы озадаченно поскрёб пятернёй затылок, удивляясь своему удивительному везению. Поляк же с абсолютно невозмутимым видом окинул взглядом изувеченный самолёт, деловито дал указания механикам и вразвалочку зашагал в направлении лётной столовой. По пути бородач с приветливой улыбкой откликнулся на приветствие Бориса:

– А это вы... Полюбуйтесь: враги снова окружили нас... бедолаги!

Борис знал эту старинную фронтовую шутку британских командос и понимающе ухмыльнулся в ответ.

Похоже, вместо нервов у поляка были стальные тросы, а его пульс никогда не превышал эталонные 64 удара в минуту.

Бывший командир фронтового штрафбата уважительным взглядом проводил долговязую фигуру с огромной револьверной кобурой на боку. Он уже знал, что сразу после войны поляк воевал в Индокитае в составе Иностранного легиона. А до этого, кажется, служил в британских ВВС.

– Такому орлу и мотор без особой надобности, – Борис уважительно кивнул на бородастого супермена и его почти невесомый самолётик своему механику. – Он запросто может парить на восходящих потоках – на одном кураже.

Механик подтвердил, что мистера Замбаха неоднократно подбивали на этом самолёте. С некоторых пор повстанцы целенаправленно охотились на сильно досаждающего им лётчика. За его голову даже была объявлена гигантская по местным меркам премия в десять тысяч долларов. Его неоднократно сбивали. Но каждый раз благодаря лёгкости своей машины поляку удавалось уйти планированием из района боя. Замбах один из немногих наёмников с удовольствием летал и на тяжёлых штурмовиках, и на сверхлёгких разведчиках.

Это был весьма необычный человек. Одно время он работал агентом по продажам в компании «Америкэн фрут». В память об этом коротком эпизоде из его биографии на самолёте Бороды – так некоторые звали никогда не бреющего поляка – красовался странный девиз «Отдай банан!».

Кстати, судя по эмблемам, на самолётных фюзеляжах среди здешних лётчиков хватало бравых парней. Например, один из передовых авианаводчиков изобразил на борту своего одномоторного «Пионера» симпатичного кролика-бейсболиста, который ловил в перчатку-ловушку летящие в него ракеты и зенитные снаряды...

Слушая механика, Нефёдов поймал себя на мысли, что теперь даже гордится своей принадлежностью к авиаэскадрилье, в которой летают такие отчаянные сорвиголовы, как когда-то гордился службой во фронтовом штрафбате. Вообще Борис часто в последнее время ловил себя на ощущении, будто заново переживает собственную военную молодость.

Операция по спасению угодивших в ловушку правительственных солдат продолжалась в течение нескольких дней. Передовые авианаводчики наводили самолёты огневой поддержки и спасательные вертолёты от рассвета до заката, сменяя друг друга, лишь когда в баках начинало заканчиваться топливо. Для отдыха и серьёзного ремонта потрёпанных машин отводилось всего несколько ночных часов. Но уже в половине пятого авиамеханики начинали прогревать моторы.

Ежась на утреннем холоде, лётчики дежурной смены, ночевавшие в щитовых коттеджах прямо на аэродроме, торопились в столовую. Чудесное утро! Пожалуй, здесь, в Африке, это лучшее время. Свежесть дурманит голову и легко верится в то, что день сложится хорошо.

Возле столовой пахло провинциальным зоопарком. Кто-то из лётчиков уже пил утренний кофе на веранде столовой в компании стаи обезьян неизвестной Борису породы. Молодая обезьянка ловко вытащила из кармана одного из лётчиков пачку сигарет и, устроившись на ветках дерева, тут же стала пробовать на вкус её содержимое. Крупный самец с видом гурмана подносил к носу горлышко забытой на веранде бутылки бурбона и очень уморно жмурился от удовольствия, подражая подсмотренным повадкам какого-то выпивохи. Лёгкость, с которой хвостатые разбойники проникли на строго охраняемый военный объект, наводила на неприятную мысль, что и для более опасных непрошенных гостей из джунглей такой визит не является проблемой.

Одни лётчики тянули свой кофе на ходу, погружённые или в изучение карты района предстоящей работы или в собственные мысли. Другие обсуждали два трагических эпизода, случившихся с их товарищами накануне. В ожидании своего кофе и яичницы Нефёдов удивлённо слушал рассказ про то, как накануне сгорел живьём парень из соседней эскадрильи. Почему-то он об этом узнал только теперь. Оказывается, бедняга успел выпрыгнуть из подбитого самолёта, но зажигательная пуля попала в капроновый купол его парашюта... Перед глазами многоопытного ветерана возникла яркая картина бесшумно покачивающегося в небе огромного факела. От такой участи не был застрахован никто из них. И свыкнуться с этим было невозможно.

Второму пилоту подбитой машины повезло больше. Он благополучно приземлился на землю и даже сумел уйти от преследования партизан, хотя и был тяжело ранен. Одно плохо: дело было в сумерках. Спасательную операцию пришлось отложить до утра, несмотря на то, что сумерки – самое опасное время в африканском буше. Львы, леопарды, гиены выходят на охоту, и человек, тем более ослабленный, становится их лёгкой добычей. С первыми лучами солнца за сбитым лётчиком выслали поисковый самолёт. В нужном квадрате экипаж спасателя заметил большое тёмное пятно на рыжей траве, возле которого отдыхал после трапезы львиный прайд. По обрывкам окровавленной одежды удалось опознать пропавшего офицера.

«Нынешний год – год беспокойного солнца. Всё может случиться», – вспомнился Борису заголовок одной парижской газеты, которая ему попала на глаза по дороге сюда. В этой проклятой стране действительно с каждым из них могло случиться всё что угодно.

Чтобы окончательно не портить себе настроение, Борис отошёл в сторону. Вскоре он получил свою порцию картофеля с поджаренным луком и глазуньей, а также большую чашку хорошего кофе.

Вскоре по аэродрому разнёсся клич командира «По машинам!». Он прогнал последние остатки сна. Экипажи первой лётной смены бросились к стоянкам самолётов, на ходу с помощью механиков влезая в обвязки парашютов. Вскоре мимо оставшихся ждать своей очереди пилотов прокатилась к старту хрупкая «бабочка» в воинственной леопардовой рас-

краске. Оторвавшись от полосы, она подняла облако красной пыли. Начался очередной рабочий день...

* * *

К обеду эскадрилья лишилась одной машины. Её пилот погиб, столкнувшись с высоким деревом во время полёта на бреющем. Произошло это скорее всего из-за крайней измотанности лётчика. В ставшем для него роковым вылете сорокатрёхлетний пилот провел за штурвалом три с лишним часа.

Часам к семи вечера сражение достигло своего апогея. Начался суший ад. Борис находился над полем боя. В работе бомбардировочных эскадрилий наступила необъяснимая пауза. По странному стечению обстоятельств это случилось именно тогда, когда нужда в них стала чрезвычайно острой.

По одному радиоканалу Борис обменивался данными с коллегами из ударных эскадрилий, а по другому вёл переговоры с землёй. Уже несколько дней удерживающие круговую оборону пехотинцы из 4-го армейского батальона, словно парящего над ними ангела, молили лётчика-наблюдателя поторопить помощь с неба. У них заканчиваются боеприпасы.

– Если вертолёты для эвакуации не прибедут в течение получаса, – кричали они, – мы погибем. Повстанцы отрезают головы нашим раненым...

От передового авианаводчика действительно многое зависело. Владея оперативной обстановкой как никто другой, он, словно диспетчер, руководил всеми действиями авиации в этом районе. В конечном итоге за ним, а не за высокими чинами из Центра управления полётами с авиабазы оставалось последнее слово. Офицеры на командном пункте это понимали. Вскоре в воздухе над местом боя находилось уже так много ударных самолётов, что офицеры поста управления передали все свои функции Борису. Теперь он эшелонировал бомбардировщики и штурмовики по высотам от трёхсот метра до шести тысяч. По команде авианаводчика лётчики очередной группы пикировщиков снижались и сбрасывали свой смертоносный груз. Однако оказалось, все эти удары не наносят существенного урона повстанцам, которые мастерски скрывались в чащобах тропического леса. Как сообщал по радио с земли командир окружённого батальона, небольшие группы партизан постоянно стремительно перемещались под кроной джунглей, стремительно выскальзывая из зоны воздушного поражения.

Понимая, что другого способа спасти гибнущих солдат нет, Нефёдов не стал протестовать, когда командование решило бросить в мясорубку боя то, что у него оказалось в данный момент под рукой. С севера появились два выкрашенных в чёрный цвет вертолёта из так называемой службы Pony Express по заброске и эвакуации рейдовых групп спецназа. При свете солнца чёрные как уголь «вертушки» представляли собой великолепную мишень. Огромные чёрные «стрекозы» сели на опушке леса. Не глуша двигатели, начали принимать на борт уцелевших и раненых солдат.

Кружащий над полем боя корректировщик терялся в догадках, почему противник пропустил их. Вскоре коварный замысел врага раскрылся. Когда винтокрылые машины снова поднялись в воздух, к ним с разных сторон устремились дымные стрелы ракет и оранжевые пулёмётные трассы. Жутко было видеть, как люди в окровавленных бинтах выбрасываются из горящих вертолётов с километровой высоты. Борис сам вернулся из того вылета с «сувениром» в виде застрявшего в крыле, неразорвавшегося снаряда, выпущенного из реактивного противотанкового гранатомёта. Судя по маркировке он был произведён в социалистической Чехословакии.

Но это были пустяки по сравнению с тем, что ожидало экипаж вскоре прибывшего в район боя ганшипа – старого бомбардировщика B-26 Ivander, переоборудованного в воздушную канонерку, вооружённую большим количеством крупнокалиберных пулемётов и скорострельных пушек разного калибра. Для почти отчаявшихся солдат президентской армии появление в небе большого самолёта с торчащими из борта фюзеляжа пушечными стволами означало спасение или во всяком случае отсрочку смертного приговора. Напичканный огневыми средствами ганшип был способен в течение длительного времени вести ураганный огонь с высочайшей точностью вплоть до поражения отдельного человека. При необходимости экипаж ганшипа был способен пробить просеку во вражеских позициях, по которой окруженцы могли попытаться вырваться из кольца.

Встав в правый вираж, самолёт непосредственной огневой поддержки начал буквально выкашивать джунгли вокруг позиций дружественной пехоты. Больше часа ганшип надёжно прикрывал горстку бойцов, оставшихся от батальона (из 453 солдат выйти из проклятого леса удастся всего 27). Но с наступлением темноты командиру B-26 было приказано возвращаться на базу. Однако видя, в каком удручающем положении находятся пехотинцы, тот принял решение остаться ещё на несколько часов – пока в баках будет оставаться достаточно горючего.

Борис не был непосредственным очевидцем событий, ибо с наступлением темноты передовые авианаводчики приостанавливали работу. Он узнал о том, что произошло дальше, от Макса Хана. Благодаря секретным поставкам ЦРУ экипаж ганшипа имел в своём распоряжении новейшие экспериментальные средства, применяемые экипажами американской ночной авиации во Вьетнаме. Благодаря тепловизору, с помощью которого можно было с высоты по тепловому излучению человеческих тел обнаружить прячущихся под кроной леса партизан, системе, позволяющей пеленговать работу любой электротехники вплоть до автомобильных свечей зажигания и очкам ночного видения, экипаж ганшипа так же эффективно действовал безлунной ночью, как и днём.

И всё-таки около полуночи самолёт сбили ракетой ПЗРК. По какой-то причине ганшип не спасли выпущенные его пилотами тепловые ловушки и дипольные отражатели. Все девять человек экипажа погибли. Страшно изуродованное тело одного из лётчиков привезли на аэродром на следующий день. Его нашли заброшенные в тыл к мятежникам парашютисты и опознали по нашивке на комбинезоне. Скорей всего страшные увечья наёмник получил ещё будучи живым.

После этого случая в стане наёмников заметно прибавилось недовольных условиями службы и павших духом. Кое-кто воспринял случившееся с коллегой, как зловещее предупреждение. Легионеры снова зароптали, что им недоплачивают за такую проклятую работу. Масла в огонь подлил попавший в руки одному из пилотов журнал «Солдат удачи», в котором австралийский пилот, перебрасывающий через границу контрабандные грузы для одного из крупных повстанческих полевых командиров, откровенно рассказывал, что ежемесячно получает за свою работу почти пять тысяч «зелёных», не считая различных премиальных надбавок. Президент Арроя платил своим пилотам только полторы тысячи, да и то нерегулярно. Борис видел, как недовольны многие его новые сослуживцы. Снова появились заводицы, подбивающие «солдат удачи» к мятежу.

Нефёдов старался держаться подальше от всего этого, ведь он приехал сюда не за золотом. К тому же получив, наконец, свои первые стажёрские восемьсот долларов, Борис почувствовал себя богачом. В стране, где жалование офицера туземной армии составляло в переводе на главную мировую валюту всего сто долларов, а средняя месячная зарплата не превышала двадцати, выданная Нефёдову сумма выглядела целым состоянием. А тут ещё за успешную работу командир эскадрильи щедро наградил приглянувшегося ему новичка недельным отпуском.

Глава 2

Жизнь белого наёмника была устроена таким образом, чтобы он как можно меньше соприкасался с окружающим миром. На службе лётчики и механики находились в окружении сторожевых вышек. Вне аэродрома тоже. Им категорически не рекомендовалось посещать местные рынки и вообще выходить без особой нужды в город. За исключением нескольких престижных районов, Морганбург был поделён между уличными бандами. Помимо уголовников, серьёзную опасность представляли проникающие в столицу террористы.

Поэтому квартал, где наёмники квартировали и развлекались, тщательно охранялся от проникновения извне. Но дело было не только в безопасности. Местное общество представляло собой два полюса. На одном богатое и влиятельное меньшинство вело абсолютно обособленную жизнь, утопая в роскоши. На другом – прозябали в страшной нищете миллионы обычных граждан, не связанные узами родственного или племенного родства с обитателями великолепных особняков, расположенных в особом квартале, вход в который охраняли бронетранспортёры республиканской гвардии.

Но и внутри элитарной резервации полицейским и частным охранникам работы хватало. При входе в любое заведение, будь это ресторан, супермаркет или бордель, дежурили громилы, бдительно следящие за тем, чтобы какой-нибудь проныра из местных не просочился в запретный рай. Поражало, что так гордящаяся освобождением от колонизаторского ига местная элита фактически возродила прежние порядки, разве что вместо расистских вывесок «Собакам и неграм вход запрещён» появились более политкорректные «Вход только по пропускам и приглашениям».

Впрочем, даже богатство не всегда являлось пропуском в элитарные заведения, зато светлый цвет кожи автоматически открывал все двери. У гостиничных швейцаров и полицейских на генетическом уровне сохранилось почтение к лицам европейской внешности. Борис несколько раз становился свидетелем унижительных сцен, когда счастливого обладателя чиновничьих привилегий чуть ли не за шиворот хватали у зеркальных дверей и требовали доказать свое право находиться в «заведении для белых». Да, да! Самое комичное, что захватившие власть в стране представители нескольких местных племён явно ощущали себя «новыми белыми». Они изо всех сил старались копировать подсмотренные ими «из-за забора и с обочины» замашки чиновников и офицеров из прежней колониальной администрации. Всё это оставляло неприятный осадок на душе. Тем более что практически в каждом своём выступлении президент страны Морган-Зубери Арройя рассуждал о построении в стране общества равенства и всеобщего процветания. Макс Хан однажды саркастически прокомментировал очередную речь президента так:

– Вот у кого надо учиться искусству демагогии! При рекордном государственном долге страны и ужасающей нищете подавляющей части населения наш «первый демократ Африки» потратил львиную долю полученной от Запада гуманитарной финансовой помощи на перестройку бывшей губернаторской резиденции. Теперь даже англичан ослепил бы имперский блеск президентского дворца.

Что и говорить, президент Арройя использовал на полную катушку «полезных идиотов». Так на Ближнем Востоке и в Африке называли идеалистически настроенных американских и европейских политиков, которым можно было запудрить мозги рассказами про построение демократии в собственной стране, а также клятвами позаботиться о бедствующем населении, а под эти байки получить хорошие деньги на личные нужды. Пока его народ страдал от нищеты, Арройя утопал в роскоши и предавался разврату. Эта свинья сутками

развлекалась сразу с десятком своих жён и наложниц, большинству из которых не было и пятнадцати лет...

Отдыхали наёмники так, словно находились где-нибудь на Гавайях или Сейшелах. Все свои выходные Борис проводил на пляже. Свободных от службы лётчиков маленький самолётик Queen Air рано утром относил к океанскому побережью, чтобы вечером доставить их обратно. Безопасность курортной зоны обеспечивала её удаленность от мест боев. Отряды повстанцев не решались форсировать широкую полосу безлюдной раскаленной пустыни, к тому же тщательно патрулируемую правительственной авиацией.

Так что можно сказать, Борис получил отпуск в безопасный тыл. Всего полчаса лёта, и можно до вечера, забыв о войне, нежиться на великолепном пляже с белым коралловым песком, лениво потягивать коктейль в бунгало или резвиться на мощных прибойных волнах. Желавшие могли также выйти в океан на моторной яхте на рыбалку. В прибрежных водах в изобилии водились огромные марлины.

На VIP-пляже Борис не без удовольствия обнаружил, что, несмотря на все строгости, находятся отдельные проныры без пропусков и приглашений или раздобывшие их неведомым образом, которым никакие препоны не страшны. Симпатии Нефёдова целиком были на стороне сообразительных смельчаков, успешно противостоящих несправедливой системе.

Правда, Борис не сразу обратил внимание на этого щуплого паренька в шортах и пластмассовых шлёпанцах. Вначале он принял его за обслугу – уборщика мусора или подсобного рабочего с ресторанной кухни. А потом они познакомились... Произошло это при довольно необычных обстоятельствах, которые заслуживают того, чтобы о них рассказать...

Это случилось во второй день его отпуска. Утром Борис решил заглянуть в пляжное кафе.

– Хотите выпить? – с мягкой улыбкой встретил его вопросом бармен в белой рубашке и красном жилете при бабочке.

– Пожалуй, – неуверенно отозвался Нефёдов, обводя глазами ровный строй бутылок.

– Могу предложить наш фирменный коктейль, сэр, – «Взрыв в пороховом погребе».

Название напитка говорило само за себя. Борис демонстративно взглянул на часы:

– Десять минут одиннадцатого – для меня рановато.

– Даже в выходной? – изобразил удивление элегантный юноша за барной стойкой. Видимо, он не привык к подобной щепетильности.

Борис собрался уйти, но молодой бармен явно был не из тех, кто просто так проигрывает битву за чаевые.

– Что скажете о коктейле «Грешница и святая»?

Борис заинтригованно задумался. Не дожидаясь ответа, парень начал смешивать уже приготовленные компоненты: лимонный и апельсиновый соки, шоколадный ликёр, ангостуру, водку, итальянский вермут. Он ловко хватал специальными щипцами кусочки льда и забрасывал их в высокий бокал.

– Заходите ещё вечером, у нас отличная концертная программа, – не отрываясь от священнодействия, посоветовал чернокожий маэстро своего дела. При этом он чрезвычайно артистично жонглировал бутылками и встряхивал коктейль в шейкере. Готовый напиток должен был обойтись посетителю в тридцать долларов. Для страны, большая часть населения которой жила в домах, сделанных из мусора, – огромная сумма. Месячная зарплата в десять баксов считалась здесь почти благоденствием.

В ожидании, когда бармен закончит колдовать над своим творением, Борис огляделся. Кроме него и официанта в кафе находился ещё один человек. Это был толстяк в расстёгнутой

спортивной рубашке с коротким рукавом. Он ничего не пил и не ел, а только барабанил пальцами по отполированной столешнице. В какой-то момент он подошёл к бару и сердито буркнул на бармена:

– Снова ты, Гарсо, навязываешь клиентам свои коктейли. Когда гости хотят затуманить свой мозг спиртным, они так и говорят. А мсье явно предпочитает сохранять непогрешимую логику и кристальную ясность мысли. Разве это не видно? А потому сделай-ка мсье кока-колу со льдом.

– Я вас правильно понял, мсье? – Толстяк обернулся к Нефёдову, желая удостовериться, что он верно истолковал его истинное намерение. Затем, извиняясь, пояснил: – Что поделаешь, наша профессия держится на чаевых.

– Мне кажется, вы играете в шахматы?

Глаза его заблестели надеждой и непонятной Борису страстью.

Когда посетитель скромно признал, что немного знаком с данной игрой, хозяин кафе радостно засмеялся, потирая руки. Бармен тут же сбежал за шахматной доской. Кто бы мог предположить, что эти толстые короткие пальцы привычны к обращению с изящными шахматными фигурками!

Хозяин ресторанчика оказался заядлым шахматистом и был вне себя от счастья, заполучив хорошего партнёра. По его словам, среди местных только один старик немного смыслил в древней игре. Да и то весь его игровой потенциал сводился к умению отличить слона от пешки. Поэтому шахматному наркоману приходилось удовлетворять свою страсть в поединках с самим собой.

Хозяин кафе играл в блестяще наступательном стиле. Одно было плохо – он презрительно считал быстрые шахматы американской забавой, компрометирующей великую игру. Каждый свой ход партнёр Нефёдова обдумывал очень основательно и долго. В первый день знакомства они проиграли почти безостановочно шесть часов. Борису даже пришлось сделать несколько слабых ходов, чтобы не откладывать партию на завтра. В его планы совсем не входило провести весь драгоценный отпуск за шахматной доской. Однако дорвавшегося до серьёзной игры фаната уже было не остановить.

Едва завидев на следующий день «господина гроссмейстера», хозяин кафе чуть не подпрыгнул от радости. Схватив доску, он помчался навстречу Нефёдову. «И кто меня только за язык тянул! – с запоздалым сожалением думал он. – Надо было выпить пороховой коктейль и никто не заподозрил бы меня в избытке интеллекта».

Вместо того чтобы большую часть времени проводить в море или на пляже, Борису приходилось часами просиживать за обдумыванием очередного хода или ждать, пока это сделает его противник. И так продолжалось три дня кряду! Борис и представить себе не мог, что после столь скучного дебюта его ждёт многообещающий миттельшпиль с перспективой на блестящий эндшпиль.

Но пока с завистью глядя на сражающихся на волейбольной площадке мужиков, вырвавшийся на недельку из адского колеса боевой работы лётчик обдумывал, как бы ему в следующий раз вежливо отшить хозяина бара, чтобы не слишком обидеть в общем вполне симпатичного толстяка. Задумчиво пуская из зажатой в зубах сигары вверх кольца синего дыма, ресторатор с ностальгией вспоминал советских военных специалистов, которые тоже отдыхали здесь от службы. Это было, когда президент страны Морган Арройя пытался дружить с СССР.

– Русские – лучшие игроки, с которыми мне приходилось иметь дело. Жаль, что их так грубо выдворили.

Похоже, чудак был убеждён: свой брат-шахматист на него не наступит. Немного наивно, но весьма трогательно. Борис даже улыбнулся, встретив после многих дней наблю-

дения одной звериной агрессии столь симпатичный пример идеалистического отношения к миру.

– Кстати, вы играете, как русский! – радостно встрепенулся хозяин кафе. Столь неожиданный комплимент смутил живущего здесь под чужой легендой, отставного советского лётчика. Щёки Бориса обдало жаром. Он невольно оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли поблизости подозрительных ушей. «Вот так фокстрот! – подумал Анархист. – Не хватало ещё, чтобы этот котлетный гроссмейстер вывел меня на чистую воду».

– Я играю, как профессиональный солдат, – севшим голосом пояснил Борис. – Стратегически и тактически шахматы являются моделью боя, впрочем, равно, как и политики.

Чернокожий мужчина одобрительно закивал головой и ухватился за данную мысль:

– Полностью с вами согласен, мсье!.. Жаль, что наш президент не знаком с этой игрой.

Чернокожий диссидент сожалеюще выпятил огромные губы. Его более светлые ладони описали в воздухе широкий полукруг, что означало у местных несогласие с кем-то.

– Иначе Морган Арройя никогда бы не поссорился с русскими. А вы знаете, почему это произошло?

Так как Борис признался в своём неведении, собеседник тут же поведал ему свою версию событий. По его мнению, это произошло потому, что из Москвы Арройе прислали не только военных советников, разных гражданских специалистов, но и личную службу – медицинскую бригаду в составе разных врачей, медсестёр, массажистов во главе с профессором.

– А ещё Хрущёв прислал нашему Большому Папе повара. Говорят, Папе очень понравились русские пельмени и блинчики, но он велел заправлять их мясом особого сорта. Когда русский повар узнал, что за «свинина» и «говядинка» идут на его кулинарные творения, он бросился в советское посольство и потребовал первым же самолётом отправить его домой. В тот же день он улетел обратно в Советский Союз, а Папа затаил обиду на русских. И я считаю, что в данном случае мой коллега был не прав. В нашей профессии существует своя профессиональная этика, как и в любой другой. Нельзя навязывать клиенту свой вкус и осуждать его за то, что он воспитан на других традициях.

Хозяин кафе, сам когда-то, оказывается, служивший поваром в парижском ресторане, а до этого успевший побывать гостиничным боем, консьержем, официантом и портье, принялся рассуждать об особенностях национальных гастрономических традиций. Он со знанием дела поведал Борису о французской национальной кухне, потом перешёл к итальянской...

В этот момент в кафе появился невысокий худенький паренёк в выцветших штопаных линялых шортах и пластмассовых шлёпанцах. Вначале Борис решил, что это чернорабочий с кухни или какой-то уборщик. Но уж больно по-хозяйски визитёр направился к бару, и никто не посмел его остановить. Напротив, местный персонал, включая самого хозяина заведения, с почтением встретили гостя. Нефёдова это удивило. Парень не был похож на отдыхающего здесь по праву высокопоставленного чиновника или генерала.

Новый посетитель заказал чашку зелёного чая с лимоном, мороженое и присел по соседству с шахматистами. Он терпеливо просидел там до конца партии, не произнеся ни единого слова. И лишь когда партнёры пожали руки и хозяин удалился по делам, парень обратился к Борису:

– Извините меня, сэр. Но не могли бы вы научить меня этой игре?

– А почему бы вам не попросить об этом здешнего хозяина? – удивлённо ответил Борис.

– Он бывший лакей, – скривил губы в презрительной мине парень, у которого из-под застиранной джинсовой кепки пучками гнилой соломы торчали крашенные перекисью водорода под «европейца», курчавые волосы. Подобное заявление прозвучало нелепо из уст того,

кто сам выглядел как бродяга. Однако чтобы не тратить время на долгие уговоры, странный проситель вытащил из кармана и внушительно припечатал к столу три сто долларовых купюры. С подкупающей откровенностью он пояснил, что мечтает со временем переехать в Америку и сделаться там настоящим джентльменом. А для этого непременно надо заранее обучиться хорошим манерам, чтобы стать своим в высшем обществе. Интеллектуальная игра же, по его глубокому убеждению, входила в обязательный «джентльменский набор» и являлась своеобразным пропуском в закрытый клуб миллионеров. И хотя парню, похоже, было не привыкать пробираться на закрытые вечеринки, в мире своей мечты он видел себя полноправным членом высшего общества.

– Я уже научился теннису, нанимал тренера по гольфу и модным танцам. Вам я тоже заплачу любые деньги за уроки.

Борис объяснил, что у него осталось всего несколько дней отпуска, которые он хочет потратить исключительно на себя.

Однако на следующий день на пляже к Нефёдову вновь подошёл вчерашний знакомый и как ни в чём не бывало повторил свою просьбу. В руках он держал маленькую шахматную доску – дорожный вариант с фигурками на магнитах. Бориса рассердила такая бесцеремонная прилипчивость.

– Вы далеко пойдёте, дорогой друг, – с холодной улыбкой ответил Нефёдов.

– Я не хочу нарываться на оскорбления, просто вы должны меня понять, – миролюбиво пояснил паренёк, глядя на Нефёдова искренними глазами. – Когда я увидел вас, то сказал себе: «Парень! Вот он человек, который может помочь тебе сделать важный шаг к заветной мечте».

– В Америке я дам им хорошее образование и, наконец, смогу по-настоящему развернуться. У меня много полезных для любого нормального общества идей, которые умрут среди местной коррупции. В этой стране можно зарабатывать только на войне и прочей мерзости. Поверьте, сэр: мне от души противно этим заниматься. Но иначе я и мои близкие просто умрём с голоду. Поэтому когда какой-нибудь высокопоставленный взяточник, задыхаясь от слишком обильного ужина, съёт мне несколько купюр за пару доставленных ему из бедного района малолетних девочек, я скрепя сердце беру эти грязные деньги. Потом меня полночи мучает стыд оттого, что благодаря мне два чистых создания будут в итоге превращены в бесстыжих животных, которые быстро обучатся выделять разные унижительные штуки, чтобы разжигать в богатых самцах похоть и получать с них хорошую мзду. И всё это благодаря мне! Невольно я являюсь сообщником растлителей. Зато в Штатах или в Европе я, наконец, смогу делать чистые деньги...

Покаяние этого невзрачного на вид африканца с хилой фигурой подростка казалось столь искренним и благородным, что он даже стал казаться Нефёдову более высоким и красивым.

Борису на удивление легко удалось представить себе собеседника в так страстно желаемом им образе джентльмена в безукоризненном европейском костюме. Он явно был волевым решительным парнем. Его целеустремлённость не могла не вызывать уважение. Поэтому Борису ничего не оставалось, как прямо здесь, на песке, преподать ученику первый урок шахматной игры.

Когда весьма довольный ученик ушёл, к Борису приблизился и сел рядом на горячий песок его командир и старый знакомый Макс Хан. Командующий наёмническими ВВС был в одних плавках. Оказывается, он ещё час назад прилетел из Морганбурга – на денёк, «стряхнуть с себя аэродромную пыль». Появившись на пляже, немец сразу заметил Бориса, но не подходил к нему, только наблюдая за ним и его собеседником:

– А ты, я вижу, времени зря не теряешь, – похвалил Нефёдова старый наёмник. – Я тут с ног сбился, чтобы крупницы хоть какой-нибудь информации о его пропавшем сыне намыть по высоким кабинетам. А он тут пикник прямо на золотой жиле устроил, и невдомёк ему, простоте славянской, какие богатства у него под ногами лежат. Да знаешь ли ты, что информация, можно сказать, сама к тебе притопала на этих тощих ножках-спичках?!

Прочитав в глазах русского искреннее непонимание, Хан пояснил:

– Ты только что играл в шахматы с самим Гермесом. Не знаю, что ему от тебя нужно. Но если тебе требуется что-то продать за хорошую цену или купить, в том числе информацию, то лучше всего обращаться прямо к нему. Это местный бог коммерции. Для него не существует линии фронта и внешних границ. Парень работает со всеми, но не для всех. Если он тебе понадобился, ещё не факт, что ты сможешь выманить этого лиса из норы, будь ты хоть сам президент Арройя. Другое дело, если заинтересованность исходит с его стороны... А ты, как я успел заметить, чем-то всерьёз зацепил Гермеса.

Хан предположил, что, видимо, этот ловкач прилетел сюда «зайцем» вместе с обслугой, работающей в местном отеле и ресторане-казино в вахтовом режиме. Примерно раз в неделю чартерный рейс доставлял на побережье несколько десятков крупье, поваров, горничных, официантов, сотрудников службы безопасности.

Гермес имел много фальшивых паспортов и всегда жил на нелегальном положении. Местная полиция и контрразведка давно охотится за ним. Правда, безуспешно, скорее всего принимая регулярные и щедрые подношения от объекта охоты. За Гермесом числилось много грехов: его подозревали в торговле оружием и «живым товаром». Высокопоставленные чиновники из окружения президента Арройи считали, что именно он являлся тайным организатором нескольких похищений родственников крупных функционеров из правительства, разжиревших на коррупционных сделках и взятках, с целью выкупа. Но настоящим его коньком были наркотики.

– Я слышал, – продолжал Хан, – что самой заветной мечтой этого дельца является перебраться в Европу или в США, чтобы организовать там новые рынки сбыта для героина с подконтрольных ему плантаций.

Борису стало ясно, что любой гроссмейстер выглядел бы наивным ребёнком рядом с этим субтильным персонажем в застиранных шортиках с голыми коленками, который двигал по доске нужных ему людей, как пешки. Борису вспомнились недавние высокопарные рассуждения талантливого актёра, который, по его словам, мечтал делать деньги в другой стране на благородных делах. Это напомнило Нефёдову известный исторический эпизод с одним американским механиком, который начинал с изобретения экономных моделей электрических лампочек накаливания, а также придумал ментоловый ингалятор для лечения астмы, остроумно назвав его «трубкой мира». А ещё этот механик мечтал построить идеальный город солнца, где не будет нищеты и голода. А так как дело было на заре авиации, то, чистый сердцем, мечтатель-технар не ограничился одними призывами и даже начал конструировать аэропланы собственной конструкции, чтобы перевозить в свой город мечты всех желающих.

Но не этими благими делами и планами он запомнился потомкам и не за мирные приёмы был произведён королевой Викторией в 1901 году в рыцари. «Если желаете самым верным способом сделать состояние, изобретите что-нибудь такое, что позволит... европейцам быстрее убивать друг друга», – говорят, что именно эта фраза, изречённая в присутствии не слишком удачливого американского предпринимателя и инженера Хайрема Максима, вдохновила его на создание своего легендарного пулемёта.

Борис вдруг осознал, что судьба и в самом деле послала ему человека, который, возможно, один в состоянии помочь ему найти сына. Однако внезапно, ещё до окончания

срока отпуска, Нефёдова отозвали в часть. Положение на фронте ухудшилось настолько, что командиру эскадрильи передовых авианаводчиков срочно понадобились все его лётчики.

В последний перед отлётом день Борис предложил Гермесу продолжить шахматные занятия в Морганбурге.

– Блестящая идея, учитель! – радостно воскликнул парень и энергично затряс протянутую ему на прощание руку.

Глава 3

Уже на следующий день после возвращения из отпуска Борис должен был отправиться на боевое задание. Правда, командир эскадрильи назначил Нефёдова во вторую лётную смену, чтобы «курортник» успел немного освоиться во фронтовой обстановке.

Утром Борис вместе со всеми приехал на аэродром на служебном автобусе. В столовой он обратил внимание на нового человека. Это был совсем молодой парень лет восемнадцати. Несколько дней назад новобранец приехал из Европы и его назначили в эскадрилью передовых авианаводчиков для прохождения испытательного срока. Сегодня парень оказался в числе тех, кому предстояло идти в бой в числе первых. Непонятно, каким ветром занесло сюда этого птенца. Похоже, за то время, что Борис отсутствовал, обстановка на фронте стала совсем скверной, если вербовщики вместо профессионалов стали присылать подобное «пушечное мясо».

На парня было жалко смотреть. Белый, как лист бумаги, он испуганно озирался по сторонам. Есть бедняга не мог. Зрелище изрешечённых самолётов на стоянках, обыденные разговоры старожилых о том, кто и как погиб накануне, подействовали на него отрезвляюще. Мальчишка больше не думал о лёгких деньгах, которые обещали ему вербовщики. Весь романтический бред мгновенно выветрился из его головы, как только он понял, что не проживёт и недели в этом аду. Нефёдову было знакомо это ощущение противной мелкой дрожи перед опасным вылетом.

Вскоре прозвучал приказ вылетать первой смене. Но паренёк не сразу осознал, что происходит. Все уже бежали к самолётам, а он всё продолжал сидеть. Тогда к новичку быстрым злым шагом подскочил командир эскадрильи передовых авианаводчиков майор Робин Иглз и рявкнул на оробевшего подчинённого:

– Разве ты не слышал приказ, тупица?! Хватит хлюпать носом, салага! Давай шевелись, пока у меня не кончилось терпение.

Свирепый вид огромного головореза с засученными по локоть рукавами и крупными мышцами, перекатывающимися под тканью комбинезона, окончательно ошеломил мальчишку. Стажёр испуганно вскочил и побежал в указанную ему сторону. Майор погнал новобранца, то и дело рявкая ему в спину: «Убей врага! Убей! Убей!» Майор придерживался того принципа, что «начальник должен быть силен и свиреп. Если же он уговаривает, пытается убеждать, то это очень скверный, ненадежный начальник. Может быть, даже не начальник вообще...»

Когда Борис подошёл к стоянке самолёта, у сидящего в его кабине мальчишки уже была разбита губа. От всего произошедшего с ним молодой пилот совсем перестал соображать. Майор Иглз кричал ему, что необходимо делать:

– Запускайся ещё раз, дубина! Оставить! Ключ поверни, я тебе говорю! Закрылки на пятнадцать градусов.

Стажёр пытался дисциплинированно выполнять приказы, но из-за того, что мысли в его голове путались, он не мог даже запустить двигатель и привести все системы самолёта в состояние готовности к взлёту. Вскоре деморализованный молодой лётчик вообще перестал реагировать на вопли офицера.

При появлении Нефёдова майор недовольно стащил с правой руки чёрную перчатку и раздражённо буркнул:

– Что вам?

– Разрешите мне лететь вместо мальчишки. Пусть он придёт в себя.

Майору явно было неприятно, что кто-то из подчинённых поймал его на том, что он пустил в ход кулаки против новобранца. Чтобы скрыть своё смущение, он, прежде чем ответить, вынул пачку сигарет. Вскрыл ногтем целлулоидную обёртку, затем картонку, щелчком выбил сигарету, взял губами, вытащил зажигалку – и так далее. И всё нарочито неторопливо. Так прошло минуты три, не меньше. Затянувшись и выпустив кольцо синего дыма, майор посоветовал заступнику:

– Не лезьте не в своё дело! Парень уже взял аванс, пусть отрабатывает.

– Послушайте, разве вы не видите, что в таком состоянии он ни на что не годен. И потом я слышал, что у него всего-навсего лицензия пилота-любителя. Он глупо угробит и себя и машину. Вы должны отправить его домой, майор. Это в ваших же интересах.

Борис спокойно выдержал враждебный взгляд командира. Наконец, Иглз отвёл глаза.

– Да вы правы, сэр. – Гнев комэска обратился в сторону командования: – С каждым разом они присылают мне всё менее качественный материал. Это же девчонка, а не солдат. Он приволок с собой целый чемодан косметики и пользуется лавандовой водой после душа. И я не удивлюсь, если в итоге этот неженка окажется голубым. Наши боссы, видимо, считают, что раз у меня в эскадрилье самый высокий процент потерь, то мне можно посылать невесту кого.

Майор хотел ещё что-то сказать, но замолчал, заметив кого-то. Борис оглянулся. К ним подходил сам главный президентский советник по авиационным вопросам. По роду своей должности он изредка навещался на аэродром. Визит южноафриканца Хенка ван дер Вольфа по прозвищу Хенк-бомбардировщик не сулил ничего хорошего ни новичку, ни тому, кто посмел вопреки местным обычаям за него заступиться.

Первым делом юаровец пожал руку и улыбнулся Нефёдову, как старому знакомому, затем поздоровался с командиром эскадрильи. Располагающее выражение лица у него было отработано до автоматизма. Вот только с глазами Хенк ничего не мог поделать. Они были похожи на глаза хищника, прибежавшего на запах крови и решающего, кого тут можно сожрать.

– В чём дело, господа? – поинтересовался он у майора Иглза.

– Да вот, новичок отказывается выполнять задание. Наложил в штаны со страху.

Хенк сочувственно взглянул на сжавшегося в кабине паренька:

– В чём дело, сынок? Не можешь побороть волнение? Ничего, это часто бывает в первый раз. А ты думай о том, что тебя ждёт хорошая награда впереди. Как тебя зовут?

– Магнус.

– Сразу видно, ты славный парень, Магнус, – поощрил Хенк. – Ты хочешь получить обещанные деньги и через пару месяцев вернуться домой героем с приличной суммой?

Со страхом покосившись на комэска, молодой пилот кивнул головой, явно больше желая поскорее убраться отсюда, чем заработать обещанные тысячи.

Хенк довольно талантливо продолжил психологическую обработку молодого лётчика. Однако все попытки вдохнуть уверенность в стажёра так ни к чему и не привели. Тот затравленно взирал на южноафриканца из глубины кабины, а потом вдруг попросил слабым голосом:

– Позвольте мне уехать, пожалуйста! Я верну все деньги, как только приеду домой.

Сорокапятилетний мужчина с благородной проседью на висках обречённо махнул рукой и, повернувшись к командиру эскадрильи, тихо, но жёстко произнёс:

– Это ЧП... Раз мокрехвостого щенка нельзя использовать по прямому назначению, устроим показательную акцию устрашения... Давно пора это сделать. Я распоряжусь, чтобы комендант авиабазы арестовал дезертира. А вечером его казнят здесь же. Пусть каждый знает, что его ждёт, если он попробует выйти из игры раньше времени.

Однако даже давно ожесточившемуся сердцем командиру эскадрильи передовых авианаводчиков такое решение южноафриканца пришлось не по душе. Играя желваками, майор Иглз возразил, что это уж слишком.

– Хорошо, что вы предлагаете? – деловито поинтересовался тот, кого приятель Нефёдова Макс Хан называл самым ядовитым пауком Африки.

– Я возьму его в напарники, – решительно вступил в разговор Нефёдов. – В эскадрилье есть несколько двухместных машин, я воспользуюсь одной из них в качестве учебной.

Майор с явным облегчением поддержал Нефёдова:

– Эрнест (это имя Борис недавно взял себе в качестве псевдонима) прав. Надо попробовать натаскать парня в связке с более опытным профи.

Хенк сделал вид, что рад найденному компромиссному решению. Южноафриканец с симпатией, как и при первой их встрече, посмотрел на Нефёдова:

– Вы нравитесь мне всё больше. Не часто в наше время можно встретить в ком-то такое сочетание благородства и мужества.

Борис вспомнил, как его товарищ Макс Хан предупредил его, когда обсуждался вопрос о зачислении Нефёдова в наёмнический легион: «Поздравляю! Только что ты подписал себе смертный приговор. Теперь Хенк-бомбардировщик знает, что ты мой человек. И этого он тебе никогда не простит, будь ты хоть трижды первоклассный лётчик».

Сегодня Борис перешёл дорогу злопамятному и коварному буру¹, посмеив оспорить его решение. Майор Иглз, словно прочитав его мысли, сказал, кивнув на удаляющегося визитёра:

– Представляю, как он взбешён. Вы только что вырвали у него почти заглоченную добычу. Хенка не зря за глаза зовут Глотом. Хотя у него много имён: некоторые знают его как уважаемого бизнесмена мистера Райдера, другие – как южноафриканца Хенка Ван Дер Вольфа, третьи – как безжалостного палача Глота... Он прибежал сюда на запах крови, а уговаривал мальчишку только для вида. Такие, как Хенк, делают карьеру на человеческих костях. Кстати, вы уже выдели радиатор его джипа, украшенный настоящим человеческим черепом? Его патрону – президенту явно понравился бы рапорт о том, что одного из наёмников привязали к столбу возле взлётной полосы, облили бензином и подожгли, чтобы заставить остальных безропотно ходить в безнадежные атаки, когда партизаны подойдут вплотную к его столице.

Майору Иглзу пришлось повоевать во Вторую мировую войну. Он вспомнил, как в самом её конце немцы предприняли подобную атаку против американской авиации, в которой он тогда служил. Это случилось 7 апреля 1945 года. Группа истребителей «Фокке-Вульф-190» и «Мессершмиттов-109» – всего 183 самолёта из так называемой зондеркоманды вервольф Elbe – предприняла фактически самоубийственный рейд. Ведомые фанатиком полковником Отто Кенке пилоты взлетали под звуки транслировавшихся по радио торжественных вагнеровских мелодий. Похоже, под аккомпанемент третьей части оперного цикла «Кольцо Нибелунгов» – «Гибель Богов» предводитель германских камикадзе ощущал себя самим Зигфридом. А перед этим все лётчики дали письменную клятву таранить вражеские самолёты после того, как будет израсходован весь боезапас. Поэтому брать с собой парашюты им было запрещено. В итоге обратно на аэродром вернулось всего несколько десятков деморализованных пилотов, которые так и не сумели выполнить данное обещание. Как трусов и дезертиров их тут же арестовали гестаповцы и после короткого суда расстреляли... В числе немногих выживших оказался и сам организатор атаки, который умудрился благополучно пережить войну. Впоследствии Кенке даже командовал эскадрой возрождённых люфтваффе западногерманского бундесвера...

¹ Буры, или африканеры, – потомки голландских переселенцев в Южной Африке.

Уже через несколько часов вместе со своим курсантом Борис вылетел на задание. В первом и во втором вылете, когда лес под крылом извергал в небо десятки пулемётных трасс, мальчишку почти непрерывно бил колотун. Магнус каждую секунду ожидал, что вот-вот их хрупкий самолёт вспыхнет, как спичка, или разломится пополам. Поэтому вместо штурвала перепуганный юнец сжимал в побелевших руках карманную Библию. Однако их всё не сбивали... Да, бедняге-самолёту каждый раз крепко доставалось, но сидящим в нём лётчикам пока везло. Трижды они тянули к базе, оставляя за собой в небе дымный след. Один раз зенитный снаряд взорвался внутри фюзеляжа. Сидящие бок о бок пилоты слышали, как оглушительно хлопнуло у них за спиной. Однако установленный механиками позади бензобака двадцатимиллиметровый дюралевый лист прекрасно справился с ролью импровизированной брони. Конечно, бронебойный снаряд прошёл металлическую перегородку, но она заставила раньше времени сработать его взрыватель. И вместо того чтобы рвануть непосредственно в бензобаке, осколки лишь вспороли несколько слоёв алюминия и понаделали дырок в фюзеляже...

Мальчишке несказанно повезло, что перед лицом опасности он оказался не в одиночестве, а в компании закалённого в тысячах боях воина. Постепенно Борис приучал Магнуса к мысли, что на этой войне вполне возможно выжить, если придерживаться нескольких правил. Главное из которых гласило: «Не давай волю собственным страхам и не лезь на рожон».

– Если запаникуешь – ты покойник! Но и не стоит также при виде врага «грызть щит», изображая боевое безумие викинга-берсеркера. Даже в самый критический момент схватки воин должен сохранять хладнокровие. Если же поддашься собственным эмоциям, наверняка совершишь непоправимую ошибку.

Многие навыки, полученные Магнусом при обучении на гражданского пилота, оказались теперь бесполезны и даже опасны. Добровольному инструктору пришлось фактически заново учить мальчишку азам. Например, тому, что в бою нельзя долго держать один курс и делать плавные развороты – это неминуемо приведёт к гибели. Все манёвры необходимо выполнять энергично, с хорошими перегрузками. Если чувствуешь, что всё идёт «не в масть», без колебаний нарушай существующие правила пилотирования, чтобы не позволить противнику просчитать свой следующий ход. Жалобы же ученика на то, что при таком зверском маневрировании ему сложно удержать обед внутри, инструктор оставлял без ответа.

Парень был так неопытен в бою, что часто не видел цель даже у себя под носом. Но вскоре Нефёдов сумел основательно подкрепить растущее в ученике чувство уверенности в своих силах. Они вылетели на свободную охоту в район, который контролировало крупное бандформирование.

Нефёдов намеревался покарать истинных мерзавцев. От знакомых лётчиков он слышал, какие зверства творили боевики местного повстанческого командира. Захватив неделю назад родовое селение президента Моргана Арройи и перебив полицейских и правительственных чиновников, мятежники начали резать ни в чём не повинных обывателей. После рейда неприятельского отряда осталось только дымящееся пепелище и пустынные улицы, усыпанные мёртвыми телами. Жертвами этнической зачистки стали более семисот человек. Чтобы зарыть горы трупов, потребовались бульдозеры. Бандиты отходили, прикрываясь заложниками из числа родственников президента. Поэтому акция возмездия была отложена начальством до окончания переговоров о выкупе пленников.

Вместе с экипажем Нефёдова вызвался лететь поляк Ян Замбах. Когда-то он служил во Французском иностранном легионе – самом подготовленном в мире подразделении для действий в тропиках и являлся очень полезным компаньоном в подобных операциях. На

этот раз Борис приказал механикам подвесить на свой самолёт комплект неуправляемых авиационных ракет (НАР).

Вскоре после прибытия в район, где недавно видели большой отряд партизан, пара передовых авианаводчиков разделилась. Ян Зумбах отправился на поиски неприятельской базы, которая, по некоторым сведениям, должна была находиться где-то в лесном массиве к северо-западу от крупной реки, которая на карте была обозначена как Оранжевая. В лучах белого утреннего солнца река выглядела широким серебряным потоком с вкраплениями десятков больших и малых островов.

Борис же решил пройти вдоль грунтовой дороги, пересекающей весь квадрат. Минут десять им не попадалось ничего интересного: только велосипедисты, повозки и явно фермерского вида грузовички. Но вот впереди показалась колонна крытых машин. У опытного фронтового лётчика сразу возникло предчувствие успеха. Но прежде чем открывать огонь, следовало убедиться, что под удар по ошибке не попадут невинные. Борис сделал крутую горку и спикировал на конвой. По ним тут же открыли огонь. Особую опасность представлял грузовик, превращённый бандитами в самоходную зенитную установку. В его кузове была установлена 20-мм автоматическая зенитная пушка. По привычке в пекле боя Борис непрерывно матерился, распевал похабные песни.

Конвой сразу свернул с наезженного просёлка на узкую боковую грунтовку и на максимальной скорости помчался к лесу. Его отход прикрывал расчёт самодвижущейся зенитной установки. Прежде всего следовало заставить её замолчать.

Борис снизился до минимальной высоты, чтобы затруднить артиллеристам прицеливание, и пошёл на медленно двигающийся по дороге грузовик. Возле земли лётчику грозила очень сильная турбулентность, ему приходилось постоянно избегать столкновения с отдельно стоящими, высокими деревьями и линиями электропередач. Но в награду за риск он сразу получил подтверждения правильности избранной тактики. Красные шары снарядов проносились выше кабины. Когда требовалось развернуться, опытный воздушный боец делал это не слишком красиво – «блинчиком» над самой землей. Зато вражеский наводчик никак не мог поймать скользящий над самым бушем² самолётик в перекрестие прицела. На этой войне Нефёдову не единожды приходилось наблюдать, как сразу убивали тех, кто при штурмовке наземных целей раньше времени «взбухал», то есть набирал высоту. Здесь требовалась железная выдержка и умение «чувствовать» землю, вовремя уворачиваясь от попадающихся на твоём пути объектов. Сидящему рядом с Нефёдовым обладателю любительских прав такой пилотаж очень не нравился. Он нервно ёрзал на сиденье и мяукающим тоненьким голосом умолял, чтобы инструктор немедленно поднялся выше. Однажды, когда стажёру показалось, что они сейчас заденут крылом дерево, он даже попытался дёрнуть Нефёдова за локоть руки, которой мастер держал штурвал. Борис мгновенно перехватил ручку управления левой рукой, а правой несильно, «в педагогических целях» ткнул паникёра кулаком в ухо.

– Хватит скулить! Лучше врежь по этой коробочке.

Парень нажал на кнопку стрельбы. Но Борис сразу понял, что выпущенные из правого подкрыльевого контейнера ракеты пройдут мимо. Поэтому перед уходом на разворот он незаметно для напарника выпустил вдогонку первой порции реактивных снарядов вторую. Вскоре на дороге за их спинами вырос столб пламени, над которым поднялся чёрный гриб дыма. Цель была поражена, с чем инструктор и поздравил ученика.

Магнус долго не мог поверить, что это он уничтожил мобильную огневую точку.

– Наверное, это произошло случайно? – растерянно улыбаясь, домыкал паренёк, не веря своим глазам.

² Африканский буш образовывается из высокой травы, колючего кустарника и невысоких деревьев.

– Только сперматозоиды случайно попадают в цель, – заверил его Борис. Не давая мальчишке времени на сомнения, командир приказал ему «раздарбанить» остальную колонну. На этот раз Магнус порадовал учителя, с первого же захода накрыв остальные грузовики с бандитами кассетными бомбами.

Очень важно было заставить поверить не уверенного в себе тихоню, что в нём дремлют задатки удачливого воина. Многие асы в истории мировой авиации начинали с сомнительных результатов. В среднем первые три победы у молодых лётчиков относятся к числу трудно подтверждаемых. Но если командование всё-таки записывало их на счёт новичка, это обычно давало ему уверенность в своих силах. И дальше дело уже шло бодрее.

Поэтому командуя фронтовым штрафбатом, Нефёдов не поощрял занудной системы учёта побед с поиском тушки заявленного «мессера» в лесной чаще или среди болот, если речь шла о молодом лётчике. Когда выяснялось, что якобы сбитый фриц на самом деле ушёл со снижением за линию фронта или вывел свой беспорядочно кувыркающийся самолёт у земли, это обычно становилось сильным психологическим ударом для начинающего истребителя. Напротив, нарисованная на борту его машины метка о сбитом неприятельском самолёте окрыляла парня, придавала ему боевого задора. Он начинал сам искать встречи с парнями из люфтваффе, более уверенно маневрировать. Не животный страх перед неизвестностью затаивался в его сердце, но азарт охотника, выискивающего жертву. Вчерашний курсант становится полноценным пилотом-истребителем. Именно такое преображение вскоре произошло с Магнусом. Он перестал бояться идти в бой, и Борис всё чаще стал доверять ему штурвал. Однако за такую науку он отплатил учителю чёрной неблагодарностью.

В это утро на рассвете Борис в последний раз отправился на задание в одном самолёте со своим уже оперившимся учеником. Немало удивлённый переменами в характере уже фактически отбракованного им пилота, командир эскадрильи своим приказом уже назначил Магнуса на самостоятельные полёты. Итак, Нефёдову предстояло принять своеобразный выпускной экзамен у своего курсанта.

Им было дано задание выследить крупного наркобарона, который пытался оторваться с небольшим отрядом от преследующих его по пятам правительственных командос. Пилоты настигли тех, кого искали в буше – лесистой саванне, поросшей высокой травой и кустарником. Бросив автомашины, на которых до этого ехали, бандиты пытались запутать следы в труднопроходимой местности.

Авианаводчик стал описывать в небе широкие круги над неприятельским отрядом. По рации Нефёдов вызвал бомбардировщики.

Через пятнадцать минут к месту охоты подоспела странная парочка – старенький «Дакота», переделанный аэродромными умельцами из пассажирского самолёта в бомбардировщик. И не менее древний бомбардировщик В-26 «Мародёр», купленный агентами шефа наёмнических ВВС на свалке авиахлама где-то то ли в Аргентине, то ли в Перу. После войны самолёт одно время использовала какая-то частная компания как корпоративный лайнер. Для этого в борту списанного из американских ВВС бомбардировщика даже были прорезаны иллюминаторы. Кто бы мог подумать, что оправленному последним владельцем на слом авиаархиву ещё предстоит вновь трянуть стариной.

Здесь, в Африке, в условиях острого дефицита хороших самолётов и отсутствия нормальных условий для их эксплуатации неприхотливые и выносливые «Мародёры» ценились весьма высоко и считались универсальными машинами, пригодными фактически для любой работы. Внушительная батарея пушек в носу делала В-26 фактически идеальным штурмовиком в условиях отсутствия угрозы быть перехваченным реактивным истребителем. Так что можно представить ужас людей внизу, заметивших приближающуюся к ним крылатую смерть.

Первым начал работать экипаж «Дакоты». Борис находился поблизости и видел, как в его борту открылась пассажирская дверь и из неё полетели обрезки труб, из которых в последнее время из-за перебоев с поставками нормальных боеприпасов в кустарных условиях изготавливались самодельные бомбы.

По радио было слышно, как кто-то из лётчиков «Дакоты» иронично осведомился у партизан:

– Доброе утро, джентльмены! Вместо кофе можем предложить полтонны фугаса.

Правда, эффект от такой бомбардировки оказался не слишком впечатляющим. Отряд противника почти не понёс потерь, ибо бомбы разлетелись на большом расстоянии. Правда, внизу началась паника. Нефёдов видел, как разбегаются во все стороны солдаты героинового князька. Впрочем, опустившись пониже, лётчик заметил, что ядро отряда, видимо, состоящее из телохранителей криминального авторитета, не распалось. При приближении самолёта один из автоматчиков вытолкнул вперёд человека в белом одеянии священника и поднёс к его голове ствол автомата. По всей видимости, священник был захвачен бандитами в плен и использовался ими в качестве живого щита.

– Они взяли заложника! – крикнул Борис уже выходящему на боевой курс экипажу В-26. – Постарайтесь не попасть в попа.

На это, видимо, командир «Мародёра» невозмутимо ответил:

– У меня девять стволов, и я не в тире.

Судьба отдельного человека, если он не являлся крупной политической или финансовой фигурой или хотя бы родственником влиятельного лица, здесь никого не волновала. Борис невольно подумал о томящемся в плену сыне. Если здесь так поступают со слугами божьими, то с пленённым вражеским лётчиком уж точно обращаются без всяких церемоний. Нефёдов бросил свой самолёт наперерез «Мародёру», прежде чем его пилот нажал на гашетку....

На следующий день Нефёдова вызвал в свой кабинет командующий воздушным легионом Макс Хан.

– Ты крупно подставился. Мой осведомитель в секретной службе сообщил, что уже выписан ордер на твой арест. Может так случиться, что я не смогу тебя прикрыть. И почему только ты не позволил Хенку-бомбардировщику поджарить гадёныша на медленном огне.

Оказалось, что это Магнус настроил донос на своего инструктора, обвинив Нефёдова в том, что он специально позволил уйти наркобарону, так как перед этим получил от его человека крупную взятку.

– Зачем ему это понадобилось? – непонимающе взглянул на рыжего немца Нефёдов.

– Ему пообещали за иудство билет домой до истечения контракта и без финансовых вычетов. Вот он тебя и продал Хенку, от которого ты его всего неделю назад спас.

Хан поднялся из-за стола и подошёл к старому знакомому. Скорее с сочувствием, чем с упрёком сказал:

– Разве ты ещё не понял, что в этом диком мире каждый сам за себя. Ископаемые, вроде нас с тобой, таскающиеся с такой старой рухлядью, как долг чести, дружба, моральные принципы, выглядят в глазах наших противников сентиментальными болванами.

Макс выдержал паузу. Борис понял, что сейчас услышит главное, ради чего высокий покровитель вызвал его.

– Однако тебе, можно сказать, повезло. Два часа назад взбунтовался батальон республиканской гвардии, – неторопливо продолжил Хан. – Периодически здесь такое случается. Местные преторианцы уже перерезали своих командиров и в данный момент под командой нескольких сержантов прут через весь город к президентскому дворцу. По дороге пьяная

солдатня грабит лавки, насилует и убивает попавшихся на пути горожан. Это немного тормозит их продвижение...

Хан подошёл к карте Морганбурга на стене и ткнул в неё пальцем:

– Вот их казармы, а вот маршрут, по которому движется колонна мятежников. Через какие-нибудь полчаса они возьмут штурмом резиденцию президента. Хотя думаю, что моего приятеля Моргана Арройю его «верные» гвардейцы там вряд ли застанут. За несколько минут до того, как мятежники возьмут «виллу Бабу-Шау», он сядет в танк, стоящий в его гараже среди «ягуаров» и «мерседесов» и всегда заправленный для такого случая, и рванет на авиабазу, где уже готовят его личный самолёт.

Хан решительно повернулся к Нефёдову и с металлом в голосе поставил задачу:

– Вам надлежит остановить распространение чумы по городу. Приказ ясен?

Глава 4

Игорь Нефёдов находился в плену всего несколько месяцев, но ему иногда начинало казаться, что он уже полжизни является узником каземата в старой крепости. Время как будто остановилось за этими толстыми стенами, сложенными из гигантских валунов. Воспоминание же о том, как самолёт, в котором он прилетел, сбили в здешнем небе, казалось словно наполовину стёртым.

Брошенный в каменный мешок без предъявления какого-либо обвинения, не видевший судебного приговора, двадцатиоднолетний мужчина чувствовал себя заживо замурованным. Неопределенность срока освобождения порождала у него ощущение, что его заточение продлится вечно, пока милосердная смерть не позволит выпорхнуть его душе на свободу.

Но всё изменилось с появлением в жизни Игоря юной туземной принцессы. Вначале Корбо навещала плененного «русского медведя» из любопытства. Затем в её душе, похоже, проснулся личный интерес к чужеземцу, который на её глазах вдруг преобразился из грязного опустившегося доходяги в стройного широкоплечего атлета с удивительными глазами небесного цвета.

После того как Корбо начала регулярно навещать в тюрьму, условия содержания пленника заметно улучшились: прежде всего Игоря стали каждый день выводить на прогулку в тюремный двор, лучше кормить. Теперь узника регулярно осматривал тюремный врач. К нему, наконец, допустили цирюльника. Но важнее всего, что эта девушка пробудила в отчаявшемся пленнике почти погасший интерес к жизни.

А однажды в голову своенравной принцессе пришла идея забрать заинтересовавшего её мужчину из тюремного форта! И ей удалось быстро подавить сопротивление местной администрации.

В последний момент Корбо также решила прихватить с собой и французского банкира, который несколько лет томился в тюремном подвале.

— За сладкий воздух свободы! — задорным голосом объявила девушка, поднимая бокал с игристым вином, когда компания покинула мрачное заведение. Один из членов её свиты разлил по бокалам шампанское, и все присутствующие осушили фужеры в честь новых членов их молодёжной «крысиной стаи».

На нескольких открытых джипах они приехали на небольшой аэродром. Там весело галдящая молодёжь загрузилась в вертолёт, который отнёс их на океанское побережье, где компанию ожидала великолепная белоснежная яхта. Вечер прошёл превосходно. На закате молодые люди купались, прыгая в море с борта яхты, танцевали и дурачились до рассвета, придумывая разные забавы.

Особенно всех веселил второй новичок. Хотя француз было только 36 лет, выглядел он немощным старцем. За несколько лет заточения в тюремном каземате в его душе произошла важная переоценка ценностей. Впрочем, возможно, речь шла о душевном помешательстве. Бывший крупный финансист от долгого пребывания в полуподвальной камере-одиночке заболел манией величия особого рода. Когда одна из девиц спросила француза, чем он занимался в жизни до того, как оказался за решёткой, тот небрежно ответил, что когда-то занимал пост вице-президента одного из крупнейших банков Европы.

— Зато недавно старший надзиратель, которому я очень искусно чешу пятки по вечерам и рассказываю разные интересные истории, обещал назначить меня помощником коридорного, — похвалился этот выпускник высшей школы экономики Сорбонны. — Теперь несколько раз в день меня будут выпускать из камеры, чтобы я помогал надзирателю раздавать пищу другим заключённым и выносить параша из камер. Теперь другие узники будут отчаянно завидовать мне и плести интриги.

Окончание фразы бывшего миллионера потонуло в общем хохоте. Не смеялся только Игорь. Признание товарища по несчастью не показалось ему забавным. Долгое пребывание в камере-одиночке прививает особый взгляд на жизнь. Много из того, что в прежней жизни являлось большой ценностью, из крошечного оконца туземной тюрьмы выглядело несущественным...

Вслед за первой отлучкой из тюрьмы последовали ещё «самоволки». Новые друзья стали регулярно забирать узника на пикники, парусные прогулки, закрытые молодёжные вечеринки. Благодаря знанию нескольких европейских языков, в том числе французского и английского, а также лёгкому приветливому нраву Игорь быстро стал для всех своим парнем.

По просьбе Нефёдова Корбо всегда брала из тюрьмы и его товарища по несчастью. Правда, бывший банкир сразу занял в компании роль шута, который забавлял всех своими уморительными рассуждениями. Как-то Игорь слышал, как один из приятелей Корбо с усмешечкой сказал:

– Возьмём француза снова, а то нам без дураков скучно.

Но сам бедняга не ощущал ущербности и с удовольствием наслаждался свободой, будучи уверен, что это довольный его услугами надзиратель устраивает ему «отгулы». Когда бывший финансист высказал эту версию вслух, все просто повалились от смеха. Минут десять никто не мог перестать хохотать.

– Уверяю вас, я так хорошо умею чесать пятки, – с наивной улыбкой на лице продолжал убеждать всех блаженный, – что мсье Уго всегда остаётся весьма доволен. И конечно, в его власти позволить мне провести этот прекрасный день с вами, друзья.

Вскоре Игорь уже знал, что Корбо является любимой дочерью родного брата президента этой страны – Жана Батисты, губернатора крупной провинции. Поэтому вокруг девушки увивалось много искателей выгодной партии. Между тем с каждой новой встречей Нефёдов-младший видел, что Корбо уделяет ему всё больше внимания. Он явно интересовал принцессу гораздо больше других её приятелей-мужчин. Хотя сам Игорь старался поддерживать с африканкой чисто дружеские отношения. Эта гибкая стройная молодая девушка легко могла вскружить голову любому мужчине. От отца-африканца она унаследовала иссиня-черные шелковистые волосы и большие, сверкающие страстью глаза. От матери-англичанки – врождённый холодный аристократизм и едва заметные, золотистые веснушки. Лёд и пламя причудливым образом уживались в этом совершенном теле.

Вначале Игорь списывал продолжительные «особенные» взгляды новой подруги, её якобы случайные прикосновения на естественный интерес африканки к нему как к человеку, чьё появление в этой стране наверняка было окутано для неё ореолом таинственной романтики. Чудом спасшийся русский лётчик должен был казаться ей почти инопланетянином, пережившим крушение своей летающей тарелки. Однако если тебя любят всерьёз, душа безошибочно это поймёт без всяких слов. Тем более что привыкшая получать желаемое принцесса вскоре бесцеремонно стала демонстрировать, что считает русского своим новым парнем.

Игорю и самому нравилась эта мулатка с тонкими чертами лица и точеной фигуркой. Но у него в Москве осталась невеста, к которой пленник мечтал вернуться, если, конечно, останется жив! Долгая разлука лишь укрепила чувство Игоря к любимой. Теперь он часто вспоминал, как они вдвоём летят по улицам на мотоцикле. Он – в кожаной куртке, воротник поднят, как у знаменитого американского актёра Джеймса Дина. К его спине трогательно прижалась девушка в лёгком платье. Басом рычит двигатель мотоцикла. Пахнущий луго-

выми травами и близкой рекой встречный ветер обдувает их лица и ласкает светлые волосы Марины...

Прежде чем объясниться с Корбо начистоту, Игорь размышлял всю ночь. Он прекрасно понимал, что, возможно, готов совершить самую большую и непоправимую ошибку в своей жизни. Только благодаря неожиданному визиту Корбо обречённый заживо сгнить в сыром подвале старого форта пленник получил возможность время от времени покидать своё узилище. Тот, кто недавно как о величайшей милости мечтал о пятиминутной прогулке по внутреннему тюремному дворику, затянутому сверху металлической сеткой, получил настоящий подарок судьбы! Это было всё равно что, долгие годы едва сводя концы с концами, внезапно выиграть миллиард. И все эти привилегии были только началом ожидающих его впереди счастливых перемен. Игорь чувствовал это.

Корбо в будущем могла организовать ему побег или же уговорить отца помиловать понравившегося ей парня. Своей любимой дочери второй человек в здешнем государстве вряд ли откажет. От подобных перспектив у Игоря захватывало дух.

И всё-таки он решил рассказать девушке правду. Вряд ли она могла понравиться взбалмошной и капризной наследнице огромного состояния. Чувствовалось, что за ангельской внешностью Корбо прячется молодая львица. Игорь отдавал себе отчёт в том, что реакция новой знакомой может быть самой непредсказуемой. Но и расчётливо изображать ответное чувство в то время, как дома его ждёт невеста, молодой мужчина считал недостойным.

А главное, он не любил Корбо. И никогда бы не смог её полюбить. Да, она была красива, но ее красота не трогала его сердце. Когда рядом была Марина, от одного только запаха её волос и неуловимого аромата тела у Игоря кругом шла голова. И дело тут было не в духах. Корбо пользовалась самыми дорогими духами, которые ей присылали из Парижа и Милана. Некоторые эксклюзивные ароматы были созданы специально для богатой африканской заказчицы парфюмерами с мировым именем. У нее имелась и огромная коллекция афродизиаков, предназначенных специально для обольщения мужчин. Но вся эта «тяжелая артиллерия» не шла ни в какое сравнение с сигналами, которые взаимно притягивают предназначенных друг другу любовников. Если браки заключаются на небесах, то на земле люди находят друг друга по запаху. Причём наука и тем более индустрия любви не в силах влиять на эти рецепторы, ибо речь идёт о клеточном запахе. Это древний величественный механизм продолжения рода.

Так что с волнением вдыхая шлейф духов, оставшийся в тюремной камере после очередного посещения Корбо, Игорь тем не менее не грезил о своей гостье как о женщине. Все его мечты были связаны с той, что осталась в Москве.

И вот наконец состоялся откровенный разговор. Игорь спал и не слышал, как тихо заскрипела дверь его камеры. Аромат духов оповестил Игоря о визите юной дамы. Она вошла и нежно улыбнулась возлюбленному. Игорь уже привык, что обожающая мотоциклы Корбо одевается, как пацанка, и полагал, что её гардероб состоит исключительно из кожаных курток и джинсов. Однако в этот вечер специально ради него Корбо изменила своей верности стилю «унисекс». На девушке было необыкновенно стильное бархатное чёрное платье, которое ей очень шло.

– Я собираюсь похитить тебя, – объявила она, таинственно улыбнувшись. – За воротами нас ждёт машина. На заднем сиденье костюм для тебя – сразу переодеваться. Мы поедем на виллу моего отца. Там нас никто не потревожит. Прислуга приготовила для нас ужин и получила выходной. Во всём доме мы будем одни – только ты и я.

Игорь уже бывал в этом огромном доме, больше похожем на неприступную крепость. Двадцатикомнатный дом с бассейном и английским парком в гордом одиночестве возвы-

шался на высоком холме. Из окон его северной стороны открывался живописный вид на долину, а с южной – на излучину реки. Его внутренние покои с резными деревянными дверями, скрадывающими шага толстыми коврами и многочисленной рабски-предупредительной прислугой напоминали восточный дворец. Жилище было оборудовано сложной охранной системой. У въездных ворот висела табличка: «Въезд только по специальным приглашениям. По нарушителям охрана стреляет без предупреждения». Там их действительно никто не посмеет беспокоить.

Глядя на африканку, Игорь вдруг понял, что Корбо и его невеста Марина характерами чем-то похожи. Обе они были независимыми, смелыми. Обе обожали мужской стиль не только в одежде, но и в поведении. Что та, что другая любили тусовки, разные увеселительные мероприятия. И всегда играли роль заводил в своих компаниях. Правда, Корбо признавалась, что дома она носит волосы строго забранными в косу по исламским обычаям, но зато, выходя на улицу, сразу распускает их. Марина же всегда оставалась собой, не идя ни на какие компромиссы.

Видимо, ему всегда нравились сильные женщины. В этом он пошёл не в отца. Ибо настоящий мужик ищет в женщине слабость... Всю жизнь Игорь старался преодолеть собственную робость, неуверенность, желая быть похожим на своего героического родителя. Ещё подростком он всегда носил в кармане подаренные отцом золотые крылышки военного лётчика. «Но видимо, природа всегда отдыхает на детях гениев и героев, и свою истинную натуру не переломишь», – усмехнулся про себя Игорь.

И всё-таки кое в чём он был настоящим Нефёдовым. Доводы выгоды никогда не могли заставить его поступиться принципами. Поэтому-то он и не смог обмануть Корбо, когда понял, что она всерьёз им увлеклась.

Игорь заранее заготовил целую речь. Но в нужную минуту всё вылетело у него из головы. Став от волнения жутко косноязычным, молодой человек с трудом подыскивал нужные слова:

– Я должен сказать тебе... Это важно... Уверен, ты поймёшь меня... Ну в общем, дома у меня осталась невеста, – словно ныряя в прорубь с головой, наконец, выпалил Игорь.

Корбо отпрянула, словно внезапно получив пощёчину.

– Но ведь ты больше не любишь её? – утвердительно спросила она, испытующе впившись в его лицо своими глазами, в которых теперь появился недобрый блеск.

«Она не простит мне предательства», – уже не сомневался Игорь и всё-таки, не пытаясь юлить, ответил как есть. Молодой человек даже вытащил из кармана и показал талисман на счастье – пивную крышку, который ему дала перед отлётом Марина. С некоторых пор он берёг его как зеницу ока, ибо этот кусочек металла хранил тепло рук возлюбленной.

На минуту в камере повисла нехорошая тишина, за которой последовала вспышка ярости. Корбо схватила кувшин с водой и швырнула в изменника. Молодой человек едва успел увернуться от летящего ему в голову снаряда.

– Ты ещё пожалеешь об этом! – крикнула девушка. Напоследок хрупкая на вид малышка с такой силой хлопнула тяжёлой дверью, что с потолка посыпалась штукатурка. Игорь слушал затихающий цокот её каблучков. Потом в камеру заглянул смущённый надзиратель.

Запах духов, созданных по специальному заказу знаменитым французским парфюмером, ещё долго напоминал узнику о недавнем визите африканской принцессы. На эти духи, помимо прочих ингредиентов, шли пять тысяч бутонов роз, собранных на рассвете девушками-девственницами... С детства привыкшая купаться в роскоши, принцесса, наверное, впервые в своей жизни не смогла получить желаемое. Поэтому теперь от неё можно было ожидать любой, самой дикой выходки. Она вполне могла повести себя как ребёнок, отрыва-

ющий голову кукле, которую родители подарили ему на день рождения вместо заказанной им железной дороги.

Но Игорь больше не думал о собственной незавидной участи. Он ругал себя за то, что не сумел найти пронзительные по нежности слова, чтобы хотя бы смягчить горькую пилюлю, утешить ту, которая сделала ему столько добра.

Глава 5

11 апреля, 1952 года, Жёлтое море в пятидесяти семи милях от корейского побережья

Жизнь, как утверждают философы, развивается по спирали: многие события, которые происходят с нами сегодня, являются повторением-развитием уже однажды случившегося. Отправившись в качестве наёмника в Африку ради спасения близкого человека, Борис Нефёдов лишь в очередной раз выполнил данное однажды маленькому сыну обещание. *«Запомни, – сказал когда-то отец своему пятилетнему мальчишке, – у нас в авиации друзей не бросают. Мы ведь с тобой настоящие друзья. И так будет всегда. Если ты попадёшь в беду, я обязательно прилечу за тобой и заберу домой, где бы ты ни находился».*

Впервые же отец всерьёз вступил в борьбу за жену и сына в начале пятидесятых годов во время войны в Корее. Тогда могущественный начальник фактически поставил Анархиста перед предельно жёстким выбором: или он добывает со своими лётчиками-штрафниками из бывшей отдельной авиагруппы целёхонький новейший «штатовский» истребитель F-86 «Сейбрджет» со всеми его техническими секретами, или... Если в начале операции сын все-сильного кремлёвского вождя только намекал, что в случае неудачи Нефёдову и его людям лучше обратно в Союз не возвращаться, то в последнем разговоре Василий Сталин прямо заявил: «Учти, я дал отцу слово добыть этот самолёт. И если ты меня подведёшь, то лучше прямо в Корее пусти себе пулю в лоб». Жена и сын Нефёдова остались заложниками у Василия Сталина. Никогда ещё для одного из лучших асов советских ВВС ставки в боевой операции не были так высоки.

И вот несколько часов назад – всего за двое суток до истечения срока, данного ему Василием Сталиным, Нефёдов фактически сумел добыть ценный трофей.

Правда, ему не удалось пригнать «Сейбр» на свой аэродром. Запаниковавший вражеский пилот совершил вынужденную посадку на морском берегу. Сам лётчик, видимо, потерял сознание от сильного удара машины о землю и впоследствии утонул. Начавшийся прилив на время скрыл истребитель от поисковых самолётов и вертолётчиков противника. Необходимо было как можно скорее сообщить своим координаты местонахождения ценного трофея. Но прежде чем Нефёдов успел это сделать, его самолёт получил сильные повреждения, и Анархисту пришлось срочно покинуть его с парашютом.

Всю ночь затерянный в штормовом море человек боролся за свою жизнь, а утром его обнаружил и взял на борт экипаж американского спасательного вертолёта. Однако пока неприятельские пилоты пребывали в уверенности, что они подобрали союзника – австралийского пилота майора Гордона, чей палубный «хоукер» «Си Фьюри» был накануне сильно повреждён зенитным огнём в районе крупного северокорейского железнодорожного узла и пропал с отметок радаров, не дотянув до легкого австралийского авианосца «Сидней». Ошибка произошла потому, что в первые часы своего купания Борис наткнулся на качающегося на волнах мертвеца и стащил с него спасательный жилет, на который была нанесена маркировка с фамилией лётчика и номером его самолёта.

Находящийся в составе экипажа медик без промедления приступил к осмотру поднятого на борт после продолжительного купания «австралийца». Этот же парень несколько минут назад отважно прыгнул к Нефёдову с борта зависшего над ним вертолёта и прицепил барахтающегося в воде лётчика к спасательной люльке подъёмной лебёдки. Борис слышал, что таких членов экипажей американских спасательных вертолётчиков готовят в специальной «школе суперменов» и что они действительно универсально подготовленные профи,

в том числе являются большими специалистами по оказанию первой медицинской помощи. «Супермен» сделал ему какую-то инъекцию, потом предложил кофе из термоса с галетами...

Борис впервые оказался на борту вертолѐта. Правда, внутри всё тряслось и дребезжало. Вибрация от главного редуктора шла такая, что, казалось, будто сидишь верхом на камне-дробильной машине.

Тем не менее возможности нового летательного аппарата впечатляли. Нефѣдов слышал, что у американцев и их союзников в Корее несколько тысяч винтокрылых машин. И в основном они применялись в поисково-спасательных и санитарно-эвакуационных целях. Недаром американские и английские лѣтчики и пехотинцы называли парней из вертолѣтных эскадрилий ангелами-хранителями. Те и в самом деле спускались с небес, когда пилота сбитого «Сейбра» или «Летающей крепости», казалось, уже ничто не могло спасти от гибели или плена.

К сожалению, нашим лѣтчикам-интернационалистам, в отличие от противника, в случае катапультирования в подавляющем большинстве случаев приходилось надеяться только на себя и помощь местного населения, в целом довольно благожелательно настроенного к русским защитникам. Если пилоту сбитого МиГа удавалось после катапультирования самостоятельно добраться до какого-нибудь северокорейского официального лица, тот обычно связывался с авиационным командованием и за лѣтчиком присылали машину.

Гораздо сложнее приходилось тем, кто приземлялся в труднодоступной местности, получал серьёзные ранения или становился объектом охоты специальных команд диверсантов, засылаемых американской разведкой специально с целью пленения советского офицера. Борис знал случай, когда ради того, чтобы вытащить из подобной переделки получившего во время вынужденной посадки тяжѣлые травмы гвардии подполковника, был использован учебно-тренировочный Як-11. Находчивые однополчане спилили ручку управления во второй кабине и посадили туда парашютиста с ампулами. «Яшка» под прикрытием полка истребителей благополучно прибыл в труднодоступный горный район, и выпрыгнувший из него с парашютом фельдшер оказал раненому квалифицированную помощь и помог продержаться до того момента, когда к месту аварии пробилась с боями эвакуационная команда, укомплектованная бойцами с основательной альпинистской подготовкой. К сожалению, данный случай являлся редким примером со счастливым финалом. Гораздо чаще всё заканчивалось трагически.

А ведь будь в распоряжении каждого воюющего в Корее советского авиаполка хотя бы один вертолѣт, сколько жизней можно было бы спасти! А сколько наших лѣтчиков уже в мирное время погибло в северных морях, пропало без вести в таежных, болотистых и других, недоступных для обычной авиации местах только потому, что им не была оказана своевременная помощь!

Нефѣдов слышал, что американцы использовали в Корее машины конструкции талантливого русского инженера Сикорского, эмигрировавшего ещё в революцию из России. Это не могло не вызывать в нём чувство гордости. Плевать, что на фюзеляже красовались не красные звѣзды, а белые. Всѣ равно охватывало волнение от осознания того, что чудо-аппарат создан русским гением.

Донѣсшиеся из пилотской кабины громкие голоса заставили Бориса поторопиться с принятием решения. Говорили о нём, точнее о том, за кого он себя выдавал:

– Да, это майор Роберт Гордон из двадцатой авиагруппы, – по радиосвязи докладывал кому-то один из вертолѣтчиков. – Он с авианосца «Сидней»... Да, я уже получил предупреждение о приближающемся циклоне. Нам надо срочно где-то укрыться, поэтому мы следуем на авианосец «Оушн». Предупредите его диспетчерский центр и врачей. Правда, наш медик говорит, что парень в неплохой форме, но всё ещё может быть. Мы выдернули счастливого

из моря, когда вокруг собрались попировать десятка три акул. Не хотел бы я оказаться на его месте! После такого приключения обычно начисто отпадает охота даже к посещению общественных пляжей, не то что к боевым полётам над морем.

При этих словах Нефёдов невольно скосил глаза в сторону открытой двери. Пока они летели не очень высоко – в каких-нибудь двадцати метрах над волнами. Вполне приемлемая высота для прыжка в воду. Но, господи, как же не хотелось обратно в полное опасностей море, из которого его буквально за шкуру вытащили винтокрылые ангелы-хранители в красивых, ярко разрисованных шлемах! Но иначе плен. Это был как раз тот особый случай, когда выбора просто не было. Оставалось лишь точно рассчитать момент для прыжка. «С учётом скорости этой стрекозы и встречного ветра минут пять в запасе у меня ещё есть, но не больше, – анализировал положение Нефёдов. – Потом в любой момент на горизонте может показаться вражеская эскадра».

При этом лжеавстралиец старался даже намёком не выдать своих намерений и исподволь оценивал находящихся поблизости людей. Более всего его беспокоил мускулистый рослый матрос-спасатель у двери. Если у здоровяка отменная реакция, то он вполне может стать серьёзной помехой к бегству.

Развлекая пассажира, один из членов экипажа, видимо, бортинженер, рассказывал ему о крайне любопытном случае, который произошёл с ними позавчера. Молодой британский пилот, сам того не желая, выполнил трюк, достойный знаменитого американского иллюзиониста Гарри Гудини. Взлетев на своём «Файрфлайере» с борта лёгкого британского авианосца «Тезей», лётчик почти сразу потерял контроль над своей машиной. Неисправный ракетный ускоритель буквально швырнул самолёт, но не вперёд, а вверх. Двигатель заглох, самолёт перевернулся на спину и в таком виде ушёл под воду. Системой катапультирования самолёт устаревшей поршневой конструкции оборудован не был. Да и в подобной ситуации она бы и не пригодилась, нельзя же выстрелить своё кресло почти вертикально вниз с высоты нескольких десятков метров.

Лётчика спасла необычная привычка включать кислородное оборудование не на трёх тысячах, а сразу после взлёта. Он успешно выбрался из тонущего самолёта и был подобран вертолётom.

– Когда мы подняли его на борт, парень не мог сам взять сигарету, так у него тряслись руки.

Рассказчик засмеялся и отвернулся от «австралийца» к матросу-спасателю, попросив у него закурить. Тот поднялся с откидного сиденья у двери и неспешно направился в хвостовую часть грузовой кабины. «Теперь пора! – сказал себе Нефёдов и, схватив подвешенную на борту над носилками надутую кислородную подушку, бросился с ней к открытой двери. Внутри всё сжалось от распахнувшегося навстречу, безбрежного пространства. Ему показалось, что за последние минуты винтокрылая машина поднялась выше. Ну да теперь всё равно! Пути назад уже не было. И всё-таки на мгновение ужас парализовал его. Но лишь на мгновение. Переборов секундное замешательство, беглец шагнул в бездну.

Перед самым вхождением в воду Борис успел сгруппироваться, но всё равно удар получился очень сильный. На несколько мгновений Нефёдова оглушило. Сознание сузилось до инстинктивного стремления выжить, заставляющего тело ожесточённо барахтаться в тёмной глубине. Первое, о чём он подумал, вновь обретя способность соображать, это о вертолётe.

Вынырнув, Борис первым делом стал искать его глазами. Тот уже разворачивался! Это выглядело не меньшим безрассудством, чем поступок, на который решился он сам, учитывая огромное чёрное облако на горизонте. Приближался тайфун. Поражало, что в такой ситуации вертолётчики отважились на поиски явно жаждущего смерти «психа». Им ли было не

знать коварство местного климата, который не прощает подобных ошибок. Для Юго-Восточной Азии стремительное изменение погоды – норма. Часто бывает так: под крылом или за бортом твоего корабля ласковое море, над головой безоблачное небо и ничто не предвещает беды. И вдруг за какие-то двадцать-тридцать минут окружающая идиллия сменяется кровавым адом.

Но в данном случае о внезапности говорить не приходилось, ибо пилоты «Сикорского» были заранее предупреждены об опасности, и тем не менее они разворачивались! Борис даже пожалел, что рядом нет какого-нибудь комиссара. Вот уж представитель этого болтливого племени был бы посрамлён. Сколько раз Нефёдову приходилось слышать в своей жизни, что в мире наживы никто не рискует бескорыстно и сверх того, что прописано в контракте. Эту аксиому начинали вбивать в голову каждому советскому человеку чуть ли не с детсадовских соплей. Выходит, по логике вещей «нормальные» граждане капиталистического мира должны были бросить такого «психа», как он. Ведь человеческое безумие – не их профессия. Но вместо этого винтокрылые архангелы шли наперекор здравому смыслу и встречному ветру, намереваясь снова спасти его.

– Да проваливайте вы ко всем чертям! – заорал Нефёдов вертолётчикам, будто те могли его услышать. Он свой выбор сделал от безысходности, а им-то зачем погибать!

Вместе с гулом вертолётного двигателя нарастал шум приближающегося урагана. Чёрная туча закрыла весь горизонт зловещим фронтом и надвигалась с большой скоростью, гоня перед собой обрывки разорванных в клочья, красных облаков. Там, на горизонте, то и дело сверкали молнии. Артеллирийской канонадой гремели удары грома. Свинцового цвета пенистые кручи становились всё выше и выше. Даже если бы вертолётчики сумели заметить среди огромных водяных гор человека, они всё равно были бессильны вытащить его во второй раз. Порывистый сильный ветер и гигантские волны исключали проведение спасательной операции. В конце концов ребята в кабине «Сикорского» это поняли. Сделав круг для очистки совести и не обнаружив чудака, «вертушка» стала удаляться. Когда хлопающий шум вертолётных лопастей стих, установилась странная тишина. Небо просветлело, и даже волны как будто улеглись. Однако это было обманчивое затишье. Нелепая живая песчинка оказалась в эпицентре бури, которую ещё называют «оком урагана». Через считанные минуты затишье обещало смениться настоящим кошмаром...

Провожая взглядом серую точку на горизонте, Борис мысленно желал удачи экипажу отважных и благородных рыцарей неба. Теперь уже было не важно, кто враг, а кто союзник. В конце концов, все они рабочие войны. И каждый делает свою работу в соответствии с собственными представлениями о долге и чести. Эти же парни были достойны высшего уважения и восхищения. И дай им Бог уцелеть!

Сам же Борис не слишком рассчитывал второй раз обмануть судьбу. Теперь он почти не сомневался, что легендарный Вольф Мессинг, предсказавший ему гибель в морской пучине, не ошибся и на этот раз...

Глава 6

Военный мятеж по-африкански – как правило, явление абсолютно стихийное, плохо контролируемое даже своими организаторами и чудовищное по своей разрушительной силе. Ещё накануне вечером ничто не предвещало, что город ожидает «ночь длинных ножей», за которой последует день ещё большего кошмара.

Расквартированный в столице элитный батальон республиканской гвардии восстал не несколько часов назад, как сообщил Нефёдову Макс Хан, а ещё накануне поздно вечером. Кто-то пустил слух, будто бы представители племени, к которому принадлежал президент, командующий сухопутными силами, глава правительства и большинство министров и генералов, решили вычистить из армии и полиции представителей других народностей. Как только этот слух распространился среди солдат, в расположении гвардейского батальона начались беспорядки.

Этнический конфликт в здешнем обществе тлел всегда. Армия и полиция тоже не являлись исключением. Для власти воинские части, в которых служили представители родовых кланов, являлись той самой пороховой бочкой, которая могла рвануть в любой момент и разнести весь корабль. Однако полностью укомплектовать даже элитные подразделения солдатами-соплеменниками Арройя не имел возможности. Из-за многолетней войны и регулярно проводимых всеми противоборствующими армиями насильственных мобилизаций молодые парни призывного возраста были в большом дефиците. Зато все офицерские должности занимали родственники президента, родственники родственников и так далее. Неудивительно, что взбунтовавшиеся гвардейцы первым делом перебили своих командиров. До рассвета в казармах на окраине Морганбурга и в прилегающих кварталах происходила резня и разбой. Зачинщикам мятежа не сразу удалось уговорить увлечённо мародёрствующих сослуживцев идти в поход на власть. Когда им это, наконец, удалось, батальон погрузился на бронетранспортёры, грузовики и отправился брать штурмом президентский дворец. Солдаты были уверены: это президент Морган Арройя отдал тайный приказ истребить солдат-инородцев.

Для правителя страны ситуация становилась критической. Большинство частей столичного гарнизона и полиция взяли нейтралитет, ожидая, чем кончится дело. И только иностранные наёмники, которым Арройя в начале недели, наконец, выплатил жалованье, формально поддерживали своего работодателя. Но на деле никто из «солдат удачи» не спешил садиться в самолёт и отправляться бомбить колонну, прекрасно понимая, что после этого может стать объектом мести. Среди аэродромной obsługi, солдат, охраняющих гостиницу, в которой жили «солдаты удачи», и даже среди ресторанных швейцаров и официантов немало было тех, кто имел родственников среди мятежников.

В этой ситуации сама судьба посылала Борису Нефёдову шанс реабилитироваться в глазах властей после истории с доносом Магнуса. Ведь в любой момент на аэродроме могли появиться люди из секретной полиции с ордером на его арест.

Принимая во внимание важность его задания, Хан лично привёз Нефёдова на аэродром. Недавно Борис, который был уже не молод, перенёс приступ малярии. И хотя ему удалось справиться с хворобой, он ещё был недостаточно силён, чтобы самостоятельно управлять таким тяжёлым самолётом, как В-26 «Мародёр». Хан вызвал по очереди нескольких пилотов-европейцев и американцев, но все они под тем или иным предлогом отказались участвовать в умирении мятежников.

Только недавно вступившему в местные ВВС отставному кадровому офицеру Советской армии трудно было привыкнуть к особым отношениям между командиром и под-

чинёнными в этом специфическом подразделении. С одной стороны, наёмники всячески подчёркивали свою личную преданность завербовавшему их командиру. Его авторитет и удачливость до поры цементировали личный состав авиационного легиона. Но с другой стороны, периодически возникали ситуации, когда «солдаты удачи» не спешили выполнять приказы Хана.

Взаимоотношения легионеров со своим предводителем строились на специфической профессиональной этике, во многом напоминающей старинные пиратские традиции, когда члены команды подчинялись капитану лишь до тех пор, пока это не противоречило их интересам и условиям соглашения. В определённых ситуациях любой «джентльмен удачи» мог отказаться выполнять приказ главаря и даже поставить на голосование вопрос о его переизбрании, если капитан требовал что-то противоречащее контракту или его требование было не выгодно членам экипажа. Борису запомнился короткий разговор:

– Полетишь с ним? – кивнул на Нефёдова Хан.

Вместо ответа пилот-итальянец многозначительно поинтересовался:

– Как вы полагаете, господин Азам (таково было местное прозвище Макса Хана), в случае смены власти новому президенту понадобятся наши услуги?

– Вероятно, – потемнел лицом немец, быстро сообразив, куда тот клонит.

– Так, может, нам пока не стоит спешить брать чью-то сторону? – тут же предложил дальновидный «макаронник». И многие товарищи его поддержали.

Президент Арройя давно вызывал недовольство у лётчиков в первую очередь своей патологической скупостью. Он регулярно задерживал наёмникам жалование, ссылаясь на экономические трудности в стране. Вместо долларов или иной серьёзной валюты мог расплатиться полуметровыми ассигнациями со многими нулями, собственным автопортретом и факсимиле подписи. Между тем наёмники придерживались простого правила: атаман без золотого запаса – не атаман.

Фактически командующий воздушным легионом оказался чуть ли не единственным пилотом, кто оставался верен президенту в критический момент. Правда, преданность эта была далеко не бескорыстной. Помимо личной дружбы с Арроей и благодаря ей немец имел серьёзные финансовые интересы в этой стране, которые могли быть реализованы только при сохранении власти нынешнего правителя.

Ещё плохо разбираясь в местной специфике, Борис тем не менее отдавал себе отчёт в том, что может оказаться слепым оружием в руках активно интригующего против своих явных и тайных противников командира. Но осознавал Нефёдов также и то, что без поддержки Хана ему долго не продержаться в этой банке с пауками и уж точно не спасти сына. Так что оставалось всецело довериться своему единственному союзнику и командиру и без колебаний принимать его сторону в самых критических ситуациях.

Между тем не найдя поддержки среди ближайших соратников, Хан решил усадить в кабину вместе с Нефёдовым кого-нибудь из сородичей президента. Дело в том, что, помимо выполнения боевой работы, наёмники пытались готовить кадры для местных ВВС. В составе легиона уже числились семь туземных лётчиков, которым, правда, до сих пор не доверяли самостоятельных заданий из-за крайне низкого уровня их квалификации. Но так как выбирать было просто не из кого, то для дела теперь мог сгодиться любой, кто умел держать штурвал.

Но тут выяснилось, что, едва узнав о мятеже, местные лётчики-офицеры быстро скинули с себя свою красивую форму (под ней у них оказались наготове цивильные шорты и маечки) – и по домам! Единственный же, ещё не успевший сбежать, чернокожий авиатор объяснил «белому генералу», что он не такой дурак лететь туда, где стреляют.

Конечно, этого умника можно было силой заставить идти в бой, но Борис сам отказался брать такого парника. Ничего, он как-нибудь справится в одиночку.

Уже перед самой посадкой в самолёт к Борису откуда-то из-под крыла подскочил юноша-механик из местных по имени Нэро. Впоследствии Нефёдов даже подружится с ним. Паренёк предупредил:

– Если не откажетесь, как другие, лететь, то вас убьют.

Фактически вручив лётчику чёрную метку, босоногий вестник бросился наутёк. Находившийся поблизости Хан всё слышал. Видя задумчивый взгляд Нефёдова, немец с упрёком бросил ему:

– Похоже, ты тоже собираешься взять временный нейтралитет.

Борис равнодушно пожал плечами. Сейчас не время стучать себя кулаком в грудь. Обходя самолёт, Нефёдов проверял исправность его основных систем. Хан шёл рядом и продолжал накачивать лётчика, как бойца перед решающим матч-реваншем:

– Разве ты не видишь, что это продёлки Хенка-бомбардировщика! Старый лис подослал провокатора, чтобы покончить с тобой и лишить меня верного человека... Не исключено, что это он организовал мятеж, чтобы посадить на освободившийся после бегства Арройи трон свою марионетку... Только учти, если ты в ближайший час не отрубишь голову гадине, что ползёт сейчас к президентскому дворцу, то ещё до захода солнца познакомишься с костоломами из службы безопасности. В местной тюрьме тебя будут медленно – сантиметр за сантиметром погружать на специальной лебёдке в бассейн. Вместо воды его наполняют серной кислотой. Когда крепкие подошвы твоих армейских ботинок зашипят и начнут таять, как снег под лучами яркого солнца, тебе впервые гуманно предложат подписать признание в том, что ты намеренно позволил уйти тому наркобарону. Потом ты ещё не раз услышишь это предложение, прежде чем... Впрочем, я не уверен, что тебя обвинят только в этом преступлении. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что ты обязательно подмахнёшь всё, что тебе «шьют». У меня здесь приятели во всех учреждениях, так что я в курсе: даже самые крепкие мужики сдаются, когда их погружают в кислоту по яички. Или ты надеешься побить этот рекорд?

Пилоту ещё издали на фоне городской панорамы открылся путь, проделанный движущейся к центру Морганбурга колонной мятежников. За собой взбунтовавшиеся гвардейцы оставляли дымы пожаров. Не встречая на своём пути серьёзного сопротивления, бунтовщики чувствовали себя хозяевами положения. Редко участвующим в серьёзных боях придворным солдатам было невдомёк, что положение их весьма уязвимо. Вместо того чтобы выбирать окольные маршруты с одноэтажной застройкой, где имелась возможность быстро рассредоточиться в случае возникновения воздушной угрозы, пьяные и уверенные в своей безнаказанности местные тон-тон макуты легкомысленно втянулись в старый город. На узких улочках меж четырёх– и пятиэтажными домами, оставшимися на память об европейских колонизаторах, колонна словно оказалась зажата в теснине горного ущелья.

Первым делом пилот «Мародёра» выпустил по противнику облако неуправляемых ракет, превратив в огромный костёр головную бронемашину. Вторым заходом он расстрелял из пушек с бреющего полёта два грузовика, замыкающих колонну. Мятежники оказались в ловушке. Борис действовал предельно агрессивно, не давая противнику опомниться и организовать оборону. Однако через некоторое время на земле несколько групп солдат сумели организовать оборону и начали огрызаться из зенитных пулемётов. Поэтому крылатый штурмовик появлялся всегда оттуда, откуда его не ждут – внезапно выскакивал из-за крыш то справа, то слева и поливал запаниковавших солдат разящим огнём. Атака длилась не более пяти секунд. Фактически это был короткий укол. Искушённый во всех видах воздушного боя мастер действовал по принципу «атакуй и беги». Такими наскоками можно было измотать врага, заставить его истекать кровью, избежав ранений.

Затем пришёл черёд сменить тактику. Теперь Анархист проходил над колонной в одном направлении, поливая её огнём из всех стволов, разворачивался и возвращался обратно. Только основательно обработав снарядами и бомбами один кусок забитой техникой улицы, переходил к следующему. Такой способ «зачистки» относительно небольшого участка территории напоминал своего рода «бинтование».

Все развороты многоопытный ас выполнял только против ветра, чтобы более точно выдерживать курс и исключить даже малейшую вероятность промаха. Главным теперь было попытаться избежать случайных жертв среди мирного населения, которое итак уже натерпелось страху в ожидании приближающихся головорезов, у которых не было никакой внятной политической программы, зато имелаась неутолимая страсть к грабежу и насилию. Поэтому несколько раз, когда лётчик не был уверен, что его снаряды лягут точно в цель, он вообще не нажимал на гашетку...

Вернувшись на аэродром, чтобы заправиться и пополнить боекомплект, Нефёдов чуть не стал жертвой обещанного возмездия. Вставший рядом с самолётом автозаправщик внезапно вспыхнул вскоре после того, как началась перекачка топлива. В это время Борис сидел в кабине, но вовремя заметил в зеркальце заднего обзора горящий бензовоз у своего кия. Нефёдов не помнил, как он выскочил из самолёта. Пилот успел отбежать метров на тридцать от очага пожара, когда за спиной рванул взрыв. Сильный удар в спину бросил его на бетон. Быстро оглянувшись, старый лётчик увидел, как во все стороны разлетаются тысячи искореженных стальных обломков; огнемётными струями брызжет горящее топливо из взорвавшихся самолётных баков и цистерны бензовоза. Пытающиеся спастись бегством люди за секунды вспыхивали и сгорали, словно спички. Загорелись самолёты на соседних стоянках.

Вокруг Нефёдова падали фрагменты, по которым не всегда можно было определить, что ещё минуту назад являлось самолётом, а что грузовиком. В результате диверсии погибло не менее десяти человек и вдвое больше получили ожоги и ранения. Три боевые машины были выведены из строя.

Пока Борису искали другой самолёт на замену, пришло сообщение, что после нанесённого им воздушного удара мятежники решили больше не искушать судьбу и сложили оружие. Интересно, что обычно беспощадные к пленённым врагам, на этот раз власти проявили удивительную гуманность. Приехавший принимать капитуляцию гвардейцев Хенк в качестве наказания приказал солдатам... сто раз отжаться. Этот эпизод дан, чтобы показать необычные местные нравы. А кроме того, впоследствии выяснится, что это Хенк стоял за мятежами, и президентские гвардейцы давно с ним в сговоре. Борис воспринял эту новость без особого удивления. Тот, кто хотя бы неделю провёл в этой стране, неизбежно привыкал к местному театру абсурда.

Однако для Нефёдова работа на этом не завершилась. Вскоре стало известно, что хаосом в столице решил воспользоваться один из партизанских командиров, который двинул на город свою лесную армию. Срочно требовалось обнаружить приближающиеся к окрестностям столицы отряды противника и навести на них ударную авиацию. Майору Эрнесту было приказано выполнить задачу в качестве передового авианаводчика. Конечно, он мог отказаться, сославшись на усталость после утреннего налёта и полученные при взрыве своего самолёта лёгкие ожоги, но приказ, а точнее, просьба исходили лично от Макса Хана. Немец словно перестал замечать других своих лётчиков, видя в русском надёжного удачливого бойца, которому под силу справиться с любой проблемой. Поэтому Нефёдов ответил

«есть», а про себя подумал: «Ладно, надеюсь, камрад³, ты отплатишь мне той же монетой и поможешь вытащить сына из плена».

Под монотонное гудение самолётного двигателя тянуло в сон. Проплывающий внизу пейзаж уже стал почти привычен. Хотя нет-нет да ловишь себя на мысли: «А что там, под кроной таинственного и даже зловещего тропического леса? Какие хищники прячутся в его глубине?» До этой командировки Нефёдов был знаком с джунглями и их обитателями только по посещению ботанического сада и зоопарка, а ещё по репродукциям картин Анри Руссо. Как и этот талантливый художник-самоучка, Борис раньше представлял себе тропический лес фантастическим миром, где в гигантской густой растительности бродят люди и животные, выглядящие карликами, попавшими в странный мир великанов. Однако с высоты джунгли уже не казались такими величественными. Да и люди правили этим зелёным миром отнюдь не на карликовых правах. По сравнению с двуногими хищниками, напалмом испепеляющими целые гектары леса со всеми его обитателями, ягуары и анаконды не казались уже столь кровожадными созданиями...

Борис быстро обнаружил противника и пометил его местонахождение сигнальными ракетами, горящими белым фосфором. Остальное было делом пилотов-бомбардировщиков.

По возвращении на базу Макс Хан поздравил Нефёдова с тем, что он прошёл испытательный срок и больше не будет заниматься крайне рискованной работой передового авианаводчика. Отличившийся пилот переводился в другую эскадрилью.

История с подавлением мятежа выдвинула Нефёдова на особое место среди других лётчиков-наёмников. Когда через какое-то время в пригороде Морганбурга восстали кадеты полицейской академии, то подавить очаг возмущения сразу поручили проверенному в деле «специалисту» по таким операциям. На этот раз задачу Борису приехал поставить лично Хенк-бомбардировщик:

– Мы недавно получили из Штатов новый боевой вертолёт. На мой взгляд, теперь как раз представляется удобная возможность проверить его в деле.

Ван дер Вольф внимательно следил за реакцией Нефёдова.

– У меня недостаточно опыта пилотирования подобной техники, – ответил лётчик. На самом деле ему до сих пор вообще не приходилось управлять вертолётom.

Хенк, казалось, только этого и ждал. Он тут же переспросил, как показалось Нефёдову, с тайной надеждой:

– Значит, вы отказываетесь?

Хенк заговорил холодно и строго, словно заранее заполнял уведомление о смерти:

– Мне очень жаль, но мы заинтересованы в найме прежде всего первоклассных лётчиков-универсалов. Я думаю, командир легиона поспешил подписать с вами контракт.

– Хорошо, я полечу, – вынужден был взять под козырёк Нефёдов. Он уже понял, что угодил в очередную западню, из которой обязан выбраться самостоятельно, ибо Хан в это время находился в командировке где-то за границей. В его отсутствие Хенк исполнял функцию командующего ВВС. В его власти было объявить отказавшегося лететь лётчика дезертиром. А оправдания, что ты, мол, не умеешь управлять вертолётom, вряд ли будут услышаны судьями военного трибунала. Если к ним кто-то попадал, то живым уже не возвращался.

У Нефёдова было ровно сорок минут на изучение новой машины. Вторым пилотом Хенк назначил к нему туземного лётчика, от которого толку было немного. Поэтому первым

³ Друг, товарищ (нем.).

делом Борис разыскал знакомого вертолётчика по прозвищу Напалмовый Джек и попросил его о коротком инструктаже.

Вертолёты оказались достаточно сложны в управлении. В полёте лётчику приходилось буквально сливаться с машиной, бдительно контролируя все фазы полёта. Знаменитый вертолётный ас вьетнамской войны Хьюго Редстоун по этому поводу сказал так: «Вертолёт надо ощущать, как собственное тело. Стоит перестать чувствовать машину, как продолжение своих ног и рук – непременно вскоре разобьёшься».

Но, к счастью, американская машина была оснащена несколькими передовыми автоматическими системами, предназначенными снизить рабочую нагрузку на пилота. В частности, в вертолёте имелась система обеспечения устойчивости (SAS), назначением которой было парирование внешних воздействий, например внезапного порыва ветра.

Это была «Кобра» АН-1 последней серии производства компании Bell. Под слоем свежей краски ещё можно было различить опознавательные знаки корпуса морской пехоты США.

Наставник с удивлением отметил уникальную обучаемость «курсанта»: «Тебя на табуретку с пропеллером посади, и ты через час начнёшь на ней петли крутить!» Борису в очередной раз пригодился опыт лётчика-испытателя. Когда-то ему приходилось много пилотировать самые разные машины, быстро обживаясь в незнакомой кабине. Так что он и в самом деле всё схватывал на лету, с полуслова понимая, как следует работать педалями, чтобы компенсировать вращающий момент, создаваемый несущим винтом вертолёта, как «вышивать» рычагами циклического и общего шага, управлять мощностью двигателя и прочее. Да и не было у него иного выхода, кроме как на ходу осваивать новую науку. В случае ошибки покинуть с парашютом вертолёт было невозможно, ибо вращающиеся лопасти винта сразу превратят тебя в мясной фарш.

Так что требовалось губкой впитывать все, что говорит инструктор. Сдавать экзамен Борису предстояло уже в ходе самостоятельного боевого вылета. Новоиспечённый вертолётчик довольно уверенно поднял машину в воздух и перевёл её в горизонтальный полёт. По пути с любопытством, свойственным испытателю, Нефёдов осторожно знакомился с возможностями машины – пробовал новые манёвры, внимательно следя за тем, как вертолёт реагирует на его действие. Большой опыт полётов на самой разной авиатехнике научил его тому, что машина часто оказывается мудрее пилота, подсказывая человеку, что делать можно, и предостерегая от фатальных ошибок.

Конечно, будь у него в запасе побольше времени, Нефёдов бы лучше подготовился к предстоящей работе. А так приходилось ходить по краю, больше спасаясь не чётким знанием того, как следует поступать в той или иной ситуации, а интуитивными ощущениями. Это было очень рискованное обучение. Тем более что в первом же вылете Борис понял – уличные бои не лучшее место для вертолёта, как, впрочем, и полёты над джунглями. В первом вылете машина получила множество повреждений. К счастью, защищающие кабину боковые панели фирмы Norton Co спасли жизни лётчикам. Броня Noroc уверенно выдерживала попадания пуль винтовочного калибра и сколков. Тем не менее всё шло к тому, что из второго вылета экипаж вряд ли вернётся.

– Ничего не поделаешь, дружище Эрнест, такова твоя судьба! – посочувствовал Нефёдову Напалмовый Джек, видимо, будучи уверенным, что даже такому талантливому самородку не пережить этот день, ибо искусству выживания в вертолётной войне надо учиться годами.

Но Анархисту приходилось бывать за свою долгую лётную биографию и не в таких переделках. Нефёдов и виду не подал, что подавлен тем, что мятежники, изрядно погром-

сали его «Кобру». Хотя ему действительно пришлось тяжело. Благодаря прибытию многочисленного подкрепления, мятежников не только стало на полторы тысячи штыков больше, у них появились зенитные ракетные комплексы, реактивные противотанковые гранатомёты и крупнокалиберные зенитные пулемёты. Дело в том, что на помощь восставшим кадетам полицейской академии прорвалась партизанская армия так называемых «Львов Иктамба». Она состояла из полутора тысяч бойцов, закалённых в боях с президентскими карателями и конкурентами из других кланов. Привёл армию вождь крупного северо-западного племени по имени Иктамба. По слухам, его солдат готовили кубинские инструкторы во главе с самим Че Геварой, которые прибыли из Анголы и Восточного Конго. Примечательно, что в этой «львиной армии» почти все были безграмотными, зато в ней не было рядовых – триста генералов, пятьсот полковников, остальные – майоры и капитаны.

Перед вторым вылетом Нефёдов распорядился загрузить меньше бомб и снять лишнее оборудование, чтобы облегчить машину и сделать её максимально манёвренной. Зато по приказу пилота механики зарядили авиационную пушку двойным комплектом 30-мм снарядов. Это скорострельное орудие револьверного типа позволяло вести чрезвычайно плотный огонь. А благодаря особому турельному станку угол обстрела составлял 360 градусов по горизонту и 50 градусов в вертикальной плоскости. Также Нефёдов взял с собой максимум ракет различной номенклатуры.

Теперь надо было придумать, как уменьшить вероятность поражения огнём с земли.

Вертолёт давал лётчику большую свободу в маневрировании. По сути, на нём можно было летать, как угодно – даже пятиться задом и смещаться боком влево-вправо, а при необходимости зависнуть на одном месте. И всё же профессиональный лётчик-истребитель решил попробовать действовать «по-самолётному». Так им была изобретена тактика «пикирующей атаки». Борис ястребом сваливался на цель под большим углом и мгновенно исчезал после удара. Таким образом время нахождения под обстрелом снизилось до минимума. Но работать приходилось с очень большими перегрузками в нарушении существующих ограничений. До сих пор считалось, что так вертолёт летать не может. Хотя прочный планер, композитные лопасти винта, мощная силовая установка и великолепная аэродинамика позволяли данной машине выполнять даже некоторые фигуры высшего пилотажа.

Впрочем, вполне возможно, что Анархист и в самом деле не позволил бы себе подобного экспериментаторства, если бы являлся профессиональным вертолётчиком. К счастью, его представление о границах дозволенного не заостенело под многолетним прессом уставов и технических регламентов. Не случайно, когда экипаж в очередной раз вернулся на базу пополнить боекомплект, второй член экипажа просто сбежал, объявив напоследок, что ему ещё дорога собственная жизнь, чтобы летать с таким сумасшедшим пилотом. В конце концов, Борис сам сел в переднюю кабину, чтобы работать и за пилота, и за оператора вооружения.

По крутой траектории «бешеный» вертолёт обрушивался на огневые точки противника и с большой точностью поражал их с минимального расстояния в 50–70 метров, после чего на предельно малой высоте выскальзывал из района атаки, чтобы в безопасности набрать высоту и перегруппироваться для нового выпада. Заходы на цель всегда выполнялись с разными курсами, чтобы не позволить противнику подготовиться. В первых атаках в дело шли только неуправляемые ракеты, затем началась обработка неприятельских позиций пушечным огнём.

При этом винтокрылый усмиритель не стремился нанести повстанцам максимальный урон в живой силе. Его целью было как можно скорее подавить их волю к сопротивлению. Нефёдову уже не раз приходилось видеть, как здесь уважают силу. Наглядно продемонстри-

ровав противнику собственное превосходство, можно было заставить его уклониться от боя и таким образом избежать лишних жертв.

Поэтому Борис начал с того, что расстрелял два бронетранспортёра, припаркованные во дворе полицейской академии, и только после этого выполнил несколько боевых заходов на позиции мятежников. С удовлетворением Нефёдов услышал в радиоэфире, как кто-то из командиров повстанцев в ужасе воскликнул: «Эта “дьявольская колесница” выжжет здесь всё! Надо срочно прорываться из города!»

Когда сопротивление было почти подавлено, с командного пункта Нефёдову поступил приказ поддержать с воздуха пехотный батальон, который вёл бой с группой мятежников, прорвавшихся к элитному кварталу, где располагались особняки местной знати. Но когда Борис прибыл в район боя, неприятельский отряд уже был рассеян правительственными частями. «Не лететь же обратно с полным боекомплект», – со злой улыбкой сказал себе Нефёдов и якобы случайно выпустил несколько неуправляемых ракет в особняк, принадлежащий южноафриканцу Хенку ван дер Вольфу. Новенький роллс-ройс за сто тысяч фунтов, подаренный южноафриканскому советнику президентом Арройей, разнесло вдребезги. Однако Хенку пришлось проглотить очередную обиду и даже публично объявить отличившемуся пилоту благодарность.

После полётов Борис Нефёдов отправился к Аллиет. Она стала ему другом. Ей одной он доверял многие свои мысли. Молодая бельгийка же получила в лице старого лётчика надёжного покровителя. Борис регулярно платил распорядительнице притона, негритянке Мэри, чтобы та не слишком загружала Аллиет работой.

Со временем Аллиет стала доверять Нефёдову.

– У меня есть очень богатые родственники. Они живут в Штатах.

Однажды она рассказала ему о своих американских родственниках-миллионерах.

– Почему же ты не попросишь их выкупить тебя из рабства? – удивился Нефёдов.

– Потому что если они откажутся платить, Глот станет посылать меня им по частям, – ответила Аллиет. – В первом конверте получатели могут найти мизинец, а с последней посылкой получить голову. Мои американские родственники – люди скуповатые, поэтому я не хочу рисковать. Уж лучше быть бесправной подстилкой, чем принять такую страшную смерть.

А Борис вдруг подумал: «А почему бы не завязать в один узел несчастную девушку, её состоятельных чикагских родственничков и способного мастерски провернуть любую сделку Гермеса?» Только сделать это необходимо было так, чтобы Хенк-Глот, Бомбардировщик, ни о чём не узнал. Лучше, чтобы он вообще не догадывался об их связи.

Однако вскоре события приняли такой оборот, что Борису пришлось обратиться к Ван дер Вольфу, чтобы помочь подруге. Однажды Аллиет вдруг обратилась к нему со странной просьбой:

– Не могли бы вы достать для меня сильнодействующий яд. Но только чтобы смерть наступила мгновенно, без страданий.

Борис удивлённо спросил, для кого предназначена отравы. Девушка призналась, что накануне в их заведение заявился Хенк, который контролировал выгодный бизнес. Он приехал с каким-то местным министром. Они взяли для забавы её и ещё одну девушку и всю ночь заставляли их заниматься самыми ужасными извращениями. В итоге вторая проститутка даже слегла после оргии.

– На прощание Хенк сказал, что я ему понравилась, и завтра он придёт снова с ещё двумя своими приятелями. Тогда я решила, что если это действительно произойдёт, то лучше покончу с собой.

Борис решил поговорить с Хенком.

– Позвольте мне заплатить выкуп за мою подружку! – обратился он к южноафриканцу.

Хенка не удивила такая просьба. Он только спросил, известна ли господину Эрнесту цена.

– Сейчас у меня нет серьёзной суммы. Но сколько бы она ни стоила, я буду отдавать вам своё жалованье, пока эта женщина вновь не станет свободной, – твёрдо заявил Нефёдов.

– Bravo! – шутливо зааплодировал Хенк. – Вы остаётесь верны себе: быть благородным во всём. В прошлый раз вы заступились за мальчишку, который затем настроил на вас донос, сегодня просите за падшую женщину. А кстати, почему вы до сих пор не отравили меня, как она вас просила?

Борис остолбенел. Он вспомнил, как в первую их встречу Аллиет уговаривала его покончить с проклятым сутенёром, издевающимся над своими рабынями. Об этом их разговоре не мог знать никто другой. Вспомнил Нефёдов и о предупреждении поляка Пана Поручика, что все местные проститутки являются тайными осведомителями местных спецслужб и уже погубили не одного доверившегося им мужчину. «Неужели Аллиет продала меня Хэнку?» Ответ был очевиден.

Тем не менее Борис повторил своё предложение. Ему было жаль молодую женщину. Если она и предала его, то, конечно, её вынудили к этому крайние обстоятельства. На долю бедняжки выпали такие страшные испытания, что неудивительно, что её душа дала трещину.

Увидев, что Борис не намерен идти на попятную, Ван дер Вольф вздохнул и приложил руку к сердцу. Против обыкновения он выглядел уставшим.

– Что-то в последние дни чувствую себя неважно, – пожаловался Хенк. – А что касается вашей просьбы, то успокойтесь: покупка обойдётся вам не слишком дорого. Я вижу, что маленькая леди скрасила вам фронтовые будни. Что ж, она будет ваша, если вы тоже поможете мне в одном деле.

Борис сразу догадался, что речь идёт о Максе Хане, и не ошибся.

– Мне нужен ваш приятель, – заявил Хенк. – За вашу услугу вы получите девчонку и полмиллиона долларов в придачу. Согласитесь, что я умею делать выгодные предложения.

Глава 7

Когда Корбо снова появилась в тюремной камере Игоря Нефёдова, она имела злой и решительный вид.

– Собирайся! – велела она с порога.

После их ссоры прошли всего сутки. Теперь это была другая Корбо – не нежная кошечка с мурлыкающим голосом, но не ведающая пощады, жёсткая амазонка. На этот раз африканка была одета в рваные джинсы, мотоциклетную куртку, из-под которой выглядывала «майка-алкоголичка». На голове её красовалась чёрная бейсболка с вышитым жемчугом изображением пиратского черепа со скрещенными под ним костями. Это был знак войны. Корбо явно пришла за тем, чтобы отомстить наглецу, посмевавшему отвергнуть её любовь.

За воротами тюрьмы их ожидал покрытый грязью внедорожник. Игорь сел в пассажирское кресло, и они помчались неизвестно куда и не разбирая дороги. Вначале Нефёдов решил, что девушка пьяна, но от неё не пахло спиртным. Корбо ожесточённо крутила руль и переключала передачи. Она не сбавляла скорости даже на откосах. Они с ходу форсировали небольшие речушки, проскакивали болота, мчались по разбитому просёлку, как по скоростному хайвэю. Массивный джип постоянно влетал колёсами в дорожные колдобины, подскакивал, и только благодаря мощной подвеске обходилось без серьёзной аварии.

За всё время пути не было произнесено ни слова. Иногда на крутых виражах девушку бросало в сторону Игоря, её волосы касались его виска, и от них пахло чем-то странным: сладковатым и дурманящим.

В какой-то момент молодой человек, взглянув на свою спутницу, увидел, что её глаза закрыты. И это в то время, когда стрелка на спидометре подбиралась к отметке 120 километров! Первым импульсивным желанием молодого мужчины было перехватить руль, пока они не налетели на крупные валуны, окаймляющие края дороги. Однако, справившись с собой, Игорь решил не выдавать своего страха. «В конце концов, погибнуть вот так, на огромной скорости, чтобы больше не возвращаться в ненавистную тюрьму, – не такая уж страшная участь», – вдруг ворвалось в него. Игорь даже принялся насвистывать какой-то весёлый мотивчик. Правда, сердце в его груди стучало, как африканский барабан бата.

Но, как ни странно, они не разбились в машине, уцелели и в вертолёте, в который потом пересели. Оказалось, что Корбо первоклассный пилот.

Наконец, парочка оказалась на причале элитного яхт-клуба. Здесь их ожидал быстроходная моторная яхта. Тёмное ночное море за пределами ярко освещённой электричеством гавани выглядело враждебной территорией: оттуда, из-за волнореза доносился грозный гул набирающего силу шторма. «Всё-таки эта шоколадка явно тащит меня на тот свет, правда не самой короткой дорогой», – со странным равнодушием отметил Нефёдов, будто речь шла не о нём, а о ком-то другом.

В свете фонаря Игорь увидел глаза девушки и нашёл в них подтверждение своей догадки: зрачки Корбо были сильно расширены. Перед визитом к нему в тюрьму она явно накурилась какой-то «травки».

Взревел мощный мотор, и быстроходный катер рванулся к выходу из гавани, оставляя за собой широкую борозду белой пены. За бетонной стеной волнореза их встретили довольно высокие волны. Лодка взлетала на спину очередной водяной горы и прыгала с неё, словно с трамплина, зарываясь при приземлении острым носом в воду почти по самый козырёк ветрового стекла. В такую погоду в открытой кабине яхты ничто не могло укрыть от всех прелестей шторма. В лицо молодых людей летели брызги. Порывами налетавший ветер вызывал ощущение тревожного озноба

Вскоре Корбо начала лавировать между рифами, вокруг которых кипели водовороты белой пены. В море вокруг не было видно ни огонька. Похоже, что они удалились от берега миль на пять-семь. В свете луны были видны выглядывающие из воды острые камни, похожие на зубы гигантского морского дракона...

Неожиданно заглушив двигатель, пылкая мулатка порывисто повернулась к своему спутнику и попыталась поцеловать его. Но он мягко отстранился. Тогда африканка с размаху залепила мужчине пощёчину, а затем в порыве мстительной ярости обеими руками толкнула в грудь. Игорь только что отпустил поручень, намереваясь обнять и успокоить её. Из-за этого он потерял равновесие в качающейся лодке и упал за борт.

– Пусть тебя сожрут акулы! – крикнула Корбо. Вскоре белый силуэт катера скрылся за волнами, потом затих вдали гул его двигателя. Молодой человек остался один посреди штормового моря. Если до сих пор ему удавалось держать под контролем свой страх, то теперь ощущение смертельного ужаса заползло в душу. Чувство собственной беспомощности овладело им. Игорь даже не знал, где находится берег, чтобы хотя бы попытаться добраться до него вплавь. Но в тот самый момент, когда он сказал себе, что всё кончено и надежды, даже самой призрачной, нет, внезапно вспыхнул жёлтый глаз прожектора. Его луч немного пошарил по волнам вокруг пловца, и вот Нефёдов оказался в полосе слепящего света.

Описав на своём катере широкий круг, Корбо всё-таки вернулась за ним. Она подошла к тому месту, где сбросила в море своего пассажира, не слышно, на электромоторе, возможно, надеясь услышать крики о помощи перетрусившего гордеца.

– Я передумала тебя убивать, – мрачно пояснила девушка, когда Игорю с большим трудом удалось забраться на борт судна по спущенному штормтрапу. – Ты заслуживаешь медленной смерти. Но вначале я познакомлю тебя со своим женихом. Он будет ждать меня на причале. Нас ожидает свадебное путешествие в Европу, а тебя – самая сырая камера в тюремном подземелье.

Корбо с досады кусала губы. Она злилась на себя за то, что не решилась убить ненавистного мужчину, и за то, что не может скрыть своих чувств к нему.

На ярко освещённом фонарями причале возвращения катера ожидали какие-то люди. Они приехали сюда на трёх микроавтобусах. Корбо заглушила двигатель и поднесла к глазам бинокль. Однако лодка по инерции продолжала скользить в сторону пристани. Африканка выругалась, но без прежней злости, скорее растерянно. Бросив штурвал, она с видом полной безнадежности направилась на корму.

– Что-то не так? – спросил, глядя ей в спину, Игорь.

– Тебя это не касается! – вяло огрызнулась Корбо. Тут Игорь заметил, как метрах в ста по корме появился другой катер, который запечатал им выход из гавани. Сомнений не осталось: они угодили в западню.

– Кто они?

– Это враги моего отца, – нехотя ответила девушка. – Они уже организовали несколько покушений на меня.

Нефёдов потребовал от девушки объяснений. Девушка нехотя рассказала, что враги её отца уже организовали несколько покушений на неё, чтобы отомстить за своих казнённых родственников. Происходящее теперь вполне могло оказаться новой попыткой свести счёты с её отцом.

– Значит, это твой жених тебя подставил? – спросил Нефёдов, рассматривая в бинокль крепкого вида мужиков на причале. Один из них держал в руках противотанковую базуку.

– Он такой же предатель, как и ты, – еле слышно прошептала маленькая смуглянка.

Игорь взглянул сбоку на ещё недавно полную огня, юную воительницу, которая теперь, совершенно безучастная ко всему происходящему, жалким воробушком сидела на палубе возле борта, обхватив ноги руками и уткнувшись подбородком в колени. Свет от приближающихся причальных фонарей скользил по её печальному лицу. Она неподвижно смотрела в пространство перед собой. Сердце Игоря заныло от жалости к этому, в сущности, трогательному, избалованному ребёнку, которого теперь некому защитить, кроме него.

Неожиданно со стороны причала послышался хлопок, и почти сразу что-то с глухим стуком ударило в носовую часть лодки. Катер содрогнулся от взрыва. Парень повалился ничком на палубу. Падая, он болезненно ударился затылком обо что-то металлическое. Кривясь от боли и потирая ушибленное место, Игорь первым делом посмотрел, обо что это он так долбанулся. Прямо перед ним выстроилась в специальных креплениях батарея ярко-синих баллонов с кислородом для аквалангов. Их вид подсказал Игорю выход. На их удачу в носовой части катера находилась какая-то ёмкость с мазутом, возможно, резервный топливный бак. После попадания в неё реактивного снаряда из гранатомёта она загорелась. Вскоре ту часть гавани, где находилось стремительно набирающее воду судёнышко, заволочло густой чёрной пеленой. И хотя от едкого дыма у пассажиров моторной яхты слезились глаза и першило в горле, зато на некоторое время они стали невидимыми для наёмных убийц. Прошло не менее получаса, прежде чем облако дыма рассеялось. Там, где только что находилась яхта дочери губернатора, теперь лишь плескались небольшие волны.

Когда всё было кончено, закрывавший выход из гавани катер подошёл к месту гибели девочки, на которую так долго велась охота. Столпившиеся у его борта боевики возбуждённо рассматривали большое маслянистое пятно на морской поверхности и плавающие предметы с ушедшей на дно яхты. Широкоплечий морской волк ловко выловил багром из воды кепку с вышитым на ней жемчугом черепом.

– Это её вещь! – взяв намокшую бейсболку, сразу убеждённо заявил лысый бородач. Его суровое лицо расплылось в самодовольной улыбке. – Наконец-то мы достали сучку! Хозяин будет доволен. Так как она приходилась ему племянницей, босс оценил её хорошенькую головку в тройном размере.

Глава 8

Апрель 1952 года, Корея, побережье Жёлтого моря

Сознание возвращалось постепенно. Очень долго Борис вообще не мог понять, где он и что с ним. Он прекрасно помнил свой дикий прыжок из вертолѐта и первые минуты после него. А вот что произошло дальше, было покрыто абсолютным мраком. Похоже, что каким-то образом ему и на этот раз удалось обмануть судьбу и выбраться живым из безнадѐжной передраги. Конечно, если только он не на том свете...

Всѐ вокруг выглядело странным. Он лежал голый на полу какой-то хибары. Впрочем, ложе его было довольно мягким и тёплым благодаря подстилке и одеялу из звериных шкур. Его брюки вместе с лѣтными ботинками куда-то пропали.

Уютно потрескивали дрова в маленькой, но судя по всему толково сложенной печке. Мягкие, мерцающие отсветы пляшущего за железной затворкой пламени лишь слегка разбавляли непроглядную атмосферу чужого жилища. Дневной же свет не проникал сюда. По стенам в полумраке угадывались очертания каких-то бочек и продолговатых предметов, похожих на лодочные весла. Здесь пахло сырой землѐй, а ещё морем и рыбой. Вскоре глаза привыкли к окружающей темноте, и Борис смог разглядеть больше. Сама форма помещения выглядела странной, перекошенной, словно он находился не в нормальном доме, а в прорытой без какого-либо плана норе. Но Борис списал это на оптический обман. Не мудрено всѐ видеть в искажѐнном свете, словно в кривом зеркале, если вначале ты сиганул из летящего вертолѐта, а потом качался на волнах невесть сколько часов, а может, и дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.